НИКОЛАЙ АСАНОВ
ЮРИЙ СТУРИТИС

РОМАН НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

ЯНТАРНОЕ МОРЕ

КГБ ПРОТИВ МИ-6

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Николай Асанов

Янтарное море. КГБ против МИ-6

«Алисторус»
1963

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

Асанов Н. А.

Янтарное море. КГБ против МИ-6 / Н. А. Асанов — «Алисторус», 1963 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-235-4

Конец 1950-х годов. КГБ сталкиваются с дерзким проникновением агентов британской разведки на территорию Латвии. Группа опытных шпионов, рассчитывая на поддержку местных антисоветских элементов («лесных братьев»), высаживается на побережье Балтийского моря для совершения серии секретных операций. Лондон торжествует: британская МИ-6 вновь подтвердила репутацию сильнейшей разведывательной службы мира... Но судьба операции складывается иначе. Роман Николая Асанова и Юрия Стуритпса «Янтарное море» раскрывает реальную историю сокрушительного поражения британской разведки. Это уникальная книга, основанная исключительно на реальных документах: засекреченных радиограммах, зашифрованных сообщениях и архивных отчетах советских спецслужб. Авторы бережно сохранили историческую правду; заменив лишь отдельные имена действующих лиц по соображениям конфиденциальности. Но дух времени, напряжение борьбы и непредсказуемость судьбы героев переданы ярко и живо.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

ISBN 978-5-00269-235-4

© Асанов Н. А., 1963
© Алисторус, 1963

Содержание

Вместо пролога 7
Часть первая 9
1 9
2 17
3 23
4 27
5 29
6 32
7 37
8 42
9 49
Часть вторая 54
1 54
2 68
3 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Николай Асанов, Юрий Стуритис
Янтарное море. КГБ против МИ-6

© Асанов Н. А., правообладатели, 2026
© Стуритис Ю. В., правообладатели, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Вместо пролога

Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал контракт на весь этот срок…
Э. Хемингуэй

Балтийское море…

В старину оно называлось Варяжским.

А еще называлось Янтарным…

Море выбрасывало на песчаное побережье янтарь. Кусочки окаменевшей смолы. Печальные, как слезы, останки погибших, истлевших, утонувших миллионы лет назад могучих лесов.

Янтарь с Балтики служил украшением, талисманом и лекарством народам всего мира. Его знали египтяне и греки, римляне и византийцы.

Янтарное море выбрасывает свои дары и ныне…

Но порою на пенной полосе прибоя можно увидеть совсем непонятные, а часто и пугающие дары Янтарного моря. В полосе прибоя вдруг покажется черная туша рогатой мины, двадцать или более лет простоявшей на минрепах, прикрепленных якорями ко дну моря, и внезапно сорвавшейся. Валяется на песке обломок весла, – может быть, где-то в море терпят бедствие рыбаки? А вот полощутся у самого берега стеклянные шары – это поплавки от рыбачьих сетей, видно, многих звеньев недосчитаются сегодня рыбаки…

Тебе хочется крикнуть, позвать на помощь, позвонить по ближайшему телефону в какое-нибудь морское учреждение, которое может предупредить беду.

Но оглянись! Вокруг того участка берега, где колышется рогатая смерть, стоят посты, они осторожно направляют прохожих окружными путями, с моря подходит тральщик, чтобы обезвредить мину. Идет быстрый катер, чтобы отыскать терпящего бедствие рыбака. А того, что тебе и не следовало видеть, – резиновую лодку, изрезанную и закопанную в песке, и следы,

уходящие от моря на песчаные дюны, – ты так и не увидишь. Перед тобою по берегу прошел пограничный наряд, который увидел все это раньше тебя и сделал все, чтобы тебя не коснулась даже тень опасности.

Странные дары выбрасывает порою Янтарное море…

Часть первая

1

Рига наряжалась перед праздниками.

Позднее осеннее солнце и поздние осенние цветы, флаги на башнях и флаги над подъездами домов, толпы людей, спешащих со службы в магазины и по домам, и, наконец, – вечер, предпраздничный, немного еще суетливый, но уже торжественный, – встань к окну, откинь штору, распахни окно навстречу прохладному, с ветерком, вечеру, услышишь веселые голоса, обрывки приветствий, узнаешь даже меню праздничного ужина: «Я купила такого угря!», «Я предпочитаю все приготовить сама…», «Мы решили всей семьей пойти в „Асторию“…», «Ну да, я знаю, вашего Августа премировали…» – и разговаривающие уже прошли…

Ты ожидаешь двоюродного брата из Мадоны, ему захотелось побывать в праздничной Риге, у них в Мадоне все куда мельче: и демонстрация не такая внушительная, и шуму на улицах чуть-чуть, а тут столица…

Ты ожидаешь своего гостя, все-таки приятно погордиться и домом, и женой, и работой, – тебя ведь тоже премировали вчера на торжественном собрании, велосипедный завод перевыполнил план, ты признан отличным мастером, тебя любят рабочие, все у тебя хорошо. Квартира новая, из трех комнат, в прошлый приезд гостя вы еще жили в одной комнате, ванна была общая, кухня – общая, а теперь…

Янис Приеде захлопнул окно – на улице становится сыро, все-таки уже настоящая осень, – прошелся по столовой, поправил салфетку возле прибора гостя, заглянул в комнату жены – там свой порядок, пахнет духами и еще какими-то ароматическими вещами, Майга

заботится о красоте, хочет вечно быть юной, хотя ей уже за тридцать! Янис усмехнулся: правильно, так и должна поступать настоящая женщина! Да и слишком много времени они потеряли, потеряли не по своей вине, но с кого будешь спрашивать? Он и Майга тогда учились, можно сказать, рядом, их гимназии стояли на соседних улицах – мужская и женская, признались в любви на совместном выпускном вечере, а потом нахлынуло что-то непонятное, жестокое, бессмысленное: война, эвакуация, мобилизация, отступление, поражение, дальние фронты… В сорок четвертом, перед самым изгнанием немцев из Риги, попал в плен и вернулся уже после войны. А с Майгой встретились вот так просто на улице, как будто ничего и не было… Только старше она стала, но такая же милая сердцу, как и в восемнадцать лет. Он никогда не расспрашивал ее, как прошла ее жизнь в оккупации, только слушал, если сама что-нибудь рассказывала, опасно расспрашивать женщину, которую полюбил в восемнадцать, а встретил в тридцать! Пусть то, что было, покроется пеплом! Она, видно, тоже так думает – к поре своей зрелости человек приобретает некий жизненный опыт, которым не следует пренебрегать, – и ни о чем не расспрашивает его. Да, Янис не любит вспоминать прошлое, он счастлив настоящим!

В передней раздался звонок. Янис взглянул на часы – для двоюродного брата рановато, он обещал приехать с вечерним поездом. Майга сказала, что задержится у парикмахера. («Ты знаешь, какие очереди перед праздником!» – «Да, знаю, иди-иди, наводи красоту, хотя ты мне нравишься всякой, и причесанной и растрепанной, особенно, если это я сам запустил руки в твои пышные бледно-золотые волосы, гляжу в твои бездонные глаза, радуюсь тому, что ты рядом со мной! Но к празднику ты должна стать еще красивее, тут ты права, иди-иди, но помни, что мы не сядем без тебя за стол, пожалей хоть нашего гостя, приходи к ужину…») Они любили шутить, когда бывали одни. На людях мастер велосипедного завода должен держаться строже, и Приеде это умел! Майга даже порой дивилась: «Да ты стал настоящим командиром! Такой сдержанный, собранный, волевой, как я люблю тебя!» – все разговоры, в сущности, кончались этими словами, как песня кончается припевом. Но это очень хороший припев…

Наверно, соседка сейчас попросит позвать Майгу, огорчится, что ее нет, нужна какая-нибудь специя для праздничного теста или рецепт пирога, а чем тут может помочь мужчина?

Янис открыл дверь.

На лестничной площадке стоял длинный, спортивного вида мужчина, в сером плаще, из-под которого виднелся темный костюм. Мятые брюки были заправлены в грубые сапоги.

Поздоровавшись, незнакомец сказал:

– Я хотел бы видеть Яниса Приеде.

– Он перед вами, – ответил Янис, продолжая разглядывать пришельца.

Меж тем незнакомец, сделав какое-то движение, словно бы потеснив хозяина, вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Приеде так и не понял, сам ли пригласил его войти или тот, так сказать, просочился. Но вот он стоит в прихожей, еще не вытирая ног, словно бы не надеясь на то, что его пропустят дальше, оглядывает зоркими глазами дверь в столовую, прислушивается настороженным ухом к тишине, льющейся из Майгиной комнаты, из кухни, и Приеде почему-то чувствует себя неуверенно.

Наконец, взяв себя в руки, он довольно холодно спросил:

– Чем обязан вашему визиту?

Пришелец, пристально глядя в лицо Яниса, укоризненно заговорил:

– Разве ты, старина, не узнаешь меня? Ведь мы с тобой в сто двадцать втором полку сорок третьей гвардейской дивизии Мадону брали, и Ригу освобождали, и под Добеле в окопах рядом сидели…

– О моей службе в армии вы, как я вижу, неплохо осведомлены. Но я вас не знаю! – с ударением ответил Янис, стараясь держаться спокойно, хотя сердце его уже забилось все быстрее и быстрее, как это бывает в предчувствии какой-нибудь беды.

– Ты, видно, окончательно демобилизовался, старина, – с непонятной усмешкой сказал незнакомец и затем с ударением добавил: – А наш командир, не в пример тебе, остался на боевом посту, на первой линии огня…

– Вы имеете в виду Балодиса? – неуверенно спросил Приеде, все больше утверждаясь в догадке, что пришла беда.

– Нет, – жестко сказал собеседник, – я говорю о более близком тебе человеке, о Силайсе.

– Разве он жив? – с отчаянием в голосе спросил Янис и прикусил губу. Как раз это имя он должен был забыть! Не вспоминать о нем! Не думать о человеке, носившем его. Но собеседник, словно и не замечая растерянности хозяина, улыбнулся и радушно сообщил:

– Не только жив, но передал тебе свой привет. Кстати, не можешь ли ты сдать мне свою дачу в Майори?

– Какую дачу? Вам, вероятно, нужен другой Приеде? – из последних сил воскликнул Янис. Но пришелец уже совершенно равнодушно сказал:

– Нет, именно этот! Тот, который в свое время любил упражняться, вырезая трезуб на фотографии. Одну половину этого народного орнамента ты, помнишь, любезно оставил нашему доблестному командиру. Так вот, он поручил мне доставить эту половинку тебе обратно, чтобы ты получше вспомнил дела давно минувших дней, – и посетитель протянул Приеде фотокарточку, на которой лица троих сфотографированных были аккуратно вырезаны в форме трезуба.

– У меня нет другой половины, я ее сжег! – уже в полном отчаянии воскликнул Приеде, цепляясь за это признание как за последнюю надежду.

– Все мы повзрослели, и эти игрушки нас больше не занимают! – спокойно сказал пришелец. – Важен личный контакт и сознание, что ты не мог сжечь тот мост, через который недавно перешел, чтобы начать мирную жизнь на Родине. Ты должен просто помочь нам немного, пока мы не найдем тут других друзей.

Янис еще попытался уговорить пришельца. Он жалобно сказал:

– Но у меня дом, жена…

– Все мы или были женаты, или будем женаты! – не без юмора перебил собеседник. – Так что гордиться тут нечем!

– Что я должен сделать? – сдаваясь и обвиняя себя в том, что сдался так легко, спросил Янис. Поняв, что сопротивление бесполезно, он надеялся выторговать хоть облегчение своей участи. Он ждал, не сводя глаз с этого сурового лица, и понимал, что никаких поблажек не будет. И он повторил: – Что я должен сделать?

– Вот с этого и надо было начинать! – не без удовольствия заявил незнакомец. И деловито продолжал: – Я не один. Нас трое. Три дня назад нас высадили в районе Ужавского маяка с торпедного катера. Родная осень все-таки помогла нам.

«Поможет ли она вам дальше?..» – подумал было Янис и тут же испугался. Если осень не поможет им, то худо придется и самому Янису. Но вслух спросил только одно:

– Сейчас придет жена, попозднее приедет двоюродный брат, что я должен им сказать?

– Ну, боже мой, скажешь, что приехали друзья по военной службе! Это как раз близко к истине, поскольку мы продолжаем нашу войну. Ты, должно быть, отличный муж, это видно и по квартире, и по хозяйству. – Пришелец, не скрывая иронии, шел впереди Яниса по квартире, открывая и закрывая двери, оглядывая комнаты и убеждаясь, что квартира пуста. – Так что жена, наверно, любит тебя и верит каждому слову… – Он окончил осмотр и, повернувшись к Приеде, строго сказал: – Сейчас я схожу за нашими друзьями, а ты приготовься к гостеприимной встрече…

Он вышел, а Янис все стоял в коридоре против входной двери, не в силах сдвинуться с места. Вероятно, так себя чувствуют перед смертью…

Но вот снова звякнул звонок, коротко, осторожно, будто и ему передалась та тревога, которую принесли с собой эти люди. Вошли они все втроем, молча потоптались в передней, затем, оглядевшись, стали представляться хозяину.

Один из них, толстый, низенький, будто его придавили еще в детстве, да так и не дали вырасти, потирая руки, словно с мороза, коротко буркнул:

– Лаува.

«Хорош лев», – презрительно подумал Янис. К нему постепенно возвращалось ироническое спокойствие. Что ж, попался, значит, надо хоть держаться с достоинством. Он спросил:

– Это что же, ваше нынешнее гражданство?

– Как вас понять? – подозрительно вскинул глаза Лаува.

– Ну, «Лев». Помнится, в какой-то стране этот зверь сохраняется не только в зоопарках, но и в национальном гербе. И кажется, даже с короной на голове…

– Об этом он, выбирая псевдоним, не думал, – сухо сказал третий вошедший, показавшийся Янису совсем неприметным, в серой одежде, с серым лицом, с уклончивым взглядом. И назвался:

– Эгле.

Янис подумал: «Действительно, похож на елку. Как елка неприметна в лесу, но колюча, так и этот неприметен в толпе, но, наверно, опасен…» Шутить над прозвищами ему уже не хотелось.

– Меня называй Вилкс! – грубо отрезал длинный и резко положил свою большую лапу на трубку зазвонившего внезапно телефона.

Приеде шагнул вперед и встал лицом к лицу с длинным. И вдруг увидел: Вилкс боится! Итак, этот Волк совсем не так уж страшен, каким пытался казаться! Решительно сняв с трубки телефона короткопалую широкую руку Вилкса, Приеде сказал:

– Будьте благоразумны, Вилкс. Если вы не привели чекистов на своем хвосте, вряд ли кто-нибудь из них будет мне звонить.

Вилкс медленно отнял руку. Приеде взял трубку.

Звонила Майга. Она задерживается в парикмахерской: столько народу, столько народу!

Разговаривая с женой, Янис думал: «Хоть бы она задержалась как можно дольше! Хоть бы задержалась!» Как объяснить Майге появление этих людей, так внезапно ворвавшихся в его жизнь. Даже их имена говорят сами за себя: «Волк», «Лев», «Елка»… В кличках действительно было что-то характерное. Длинный, сухой, поджарый, с острыми глазами, Вилкс на самом деле похож на волка. Его толстый, жирный, трусливый спутник назвался львом, наверно, только для того, чтобы подбодрить себя хоть кличкой. У третьего имя такое же незначительное, как и он сам. Почти лесные люди, только не хватает заржавленных автоматов да лица их не обросли щетиной, но они еще обрастут, и тогда эти люди будут совсем походить на участников бывших фашистских формирований, которые бродили после войны по лесам Латвии, грабя население…

Он сказал жене что-то участливое, сообщил, что брат еще не приехал, и положил трубку. Его раздумья прервал Вилкс. Он, по всему видно, был главным.

– Из твоего разговора я понял, что тебе действительно трудно объяснить наше появление жене. Может быть, подойдет такой вариант: мы все трое служили с тобой в артиллерии сто двадцать второго полка. Ты – наши глаза и уши – корректировщик. По несчастной случайности ты в последние дни войны попал в плен. Нам же посчастливилось больше. Сразу после войны мы вернулись к своим пенатам, скажем, в Вентспилс. Памятник погибшим рыбакам в Вентспилсе поставлен не в память о нас. Ужавский маяк всегда приветливо встречает нас, когда мы возвращаемся с богатым уловом с моря… Как, подойдет такая легенда для твоей жены?

– Ну что ж, если блики Ужавского маяка вы считаете приветливыми, тогда легенда может выдержать испытание… – сдержанно сказал Янис.

Все прошли в комнату Яниса и уселись кто куда, словно замерли, – видно, крепко устали перед этим.

Янис осторожно спросил:

– Трудно было добираться?

– Двое суток в лесу! – коротко ответил Вилкс. И вдруг взорвался: – Да перед этим двое суток болтались в море! А ночная высадка, когда того и жди, что тебя подстрелят! А бег по лесу, чтобы уйти подальше от берега…

У остальных нервы, видно, тоже сдали, заговорили все, перебивая друг друга, торопясь, будто жаждали сочувствия:

– И в школе последние дни держали, как в тюрьме! Никуда не отлучайся, ни с кем не разговаривай! – это пожаловался Лаува. – Только перед отправкой дали погулять.

– А меня совсем было похоронили! – проворчал Эгле. – Сначала решили сообщить родственникам, что я погиб при автомобильной катастрофе. Еле-еле уговорил начальника школы, чтобы обождали хоронить, сказали бы, что заболел и отправлен на лечение в Шотландию. Ведь если скажут, что погиб, как я вернусь потом к своим?

«Так вот вы откуда, – подумал Приеде. – Далеконько забрались! И, как видно, изнервничались уже в первые часы! И удастся ли еще тебе вернуться? Похоже, что сюда проще прийти, чем выйти…» – но объяснять ничего не стал, только спросил:

– Как вы меня разыскали?

– О, у большевиков отлично поставлена справочная служба, – усмехнулся длинный.

– Документы-то у вас есть? – с некоторой неприязнью спросил Приеде.

Длинный пожал плечами, сказал:

– Черт их знает, что это за документы. У меня справка, что я работаю на заводе в Лиепае.

– А мы с ним, – толстенький кивнул на серого, – если судить по справкам, рыбаки…

– К справкам нужны еще паспорта! – сухо предупредил Приеде.

Теперь он разглядел своих гостей более внимательно. Вилксу было лет, примерно, тридцать – тридцать пять, был он черноволос, лицо худощавое, глаза острые, он казался более спокойным и самостоятельным, хотя нервное возбуждение порой охватывало и его.

Лаува – толстенький коротышка, тоже лет тридцати пяти, с грубым лицом, подпорченным оспой, с длинными волосами пепельного цвета, в которых так долго незаметна седина.

Эгле – молчаливый и неприметный, совсем еще молодой, и пороху-то, наверное, не успел на войне понюхать, казалось, больше, чем другие, подходил ко взятой им роли: не то человек без тени, не то тень без человека. С таким серым лицом, с такими невыразительными глазами, в такой неброской одежде люди не запоминаются. Но в глазах у него проглядывал испуг, и Приеде невольно подумал: «С этим будет хуже всего! От испуга он может выстрелить тебе в живот, а потом станет клясться, что это произошло случайно!»

– Для знакомства не мешало бы выпить! – сказал Вилкс. – Деньги у нас есть! – он вытащил из кармана пачку пятирублевок, перетянутую резинкой, и похвалился, как перед своим человеком: – Мы привезли с собой целых сто тысяч!

– Что же, вы все сто тысяч так и получили пятирублевками? – Приеде усмехнулся. – Надо было брать сторублевки, карманы меньше отдуваются.

– Сторублевки тоже есть, но хозяева предупредили, что плохо одетый человек со сторублевкой может вызвать подозрение… – пробормотал Вилкс.

– А у нас здесь лордов нет! – отрезал Приеде. – Я на работу тоже не в смокинге хожу, однако получаю и полторы и две тысячи. Что же, я должен получать их рублевками? Вы хоть цены-то знаете?

– Мы еще ничего не покупали. Расплачивались только с шофером грузовика, который нас подвез от Вентспилса. Шофер взял по двадцать пять рублей. Мы не торговались.

– Еще бы! Стали бы вы торговаться! – иронически сказал Приеде. – Но шофер – не грабитель, приравнял свою машину к автобусу. На автобусе берут примерно столько же…

Теперь он чувствовал себя как-то увереннее. Все-таки он был дома, а эти – всего лишь гости, пусть и непрошеные. Много ли они понимают в том мире, в который попали? Вон даже этот Вилкс, человек-волк, и тот утратил свои повелительные интонации, как только речь зашла о простых жизненных вещах.

Этими мыслями Приеде с «гостями» не поделился, просто взял деньги, попросил сидеть тихо, а когда вернется Майга, рассказать ей о себе, как условились. На звонки не выходить: у Майги свой ключ.

Вернулся он быстро, принес даже не одну, а две бутылки.

Жены еще не было.

Не нарушая празднично убранного стола, отыскал в холодильнике запасы, достал стопки, перенес всё в свою комнату.

Сели за стол. Пили и ели гости очень осторожно, несмотря на то что, как они сказали, последний сухой паек, состоявший из нескольких галет и порошков «от страха», уничтожили еще рано утром.

Первую стопку водки вместе с Янисом выпил Лаува. Двое его друзей подняли их на уровень груди, внимательно, чуть ли не пронизывающе глядя в глаза Яниса. Яниса чуть не передернуло, но делать было нечего, выпил.

И сразу вспомнил, как немецкие офицеры, когда он стал их помощником, здорово третировали его, хотя всячески пользовались его малодушием. Заставляли работать на передатчике под их диктовку, дезинформируя советское командование, даже похваливали за чистую работу, обещали какие-то награды, хотя какие награды могли они ему дать, когда и сама-то Германия разваливалась…

Пришельцы пить боялись, хотя с жадностью поглядывали на отличную рижскую водку «Кристалл», приправленную немного черным бальзамом. И водка и бальзам были им известны, боялись они Яниса. Вдруг этот бывший радист, попавший когда-то в плен к немцам, переменился настолько, что отравит их. А разве это исключается? Он безумно влюблен в свою жену. Они заставили его слушаться чуть ли не насилием. Вот он уходил в магазин. А что, если какой-нибудь Балодис, вместе с которым, как рассказывал им Силайс, Приеде по поручению советского командования был в тылу у немцев, дал ему такое спиртное, которое может моментально усыпить, чтобы чекисты без особого труда схватили их?

Нет, как ни велик соблазн, лучше пить по очереди, наблюдая, какова реакция соседа. И пусть первым пьет Лаува, у него глотка луженая, он может выдержать все!

Янис видел, как жадно они смотрели на Лауву. А тот медленно цедил ароматную от бальзама жидкость, выпив, даже языком причмокнул, и сразу протянул стопку, чтобы Янис налил еще. Тут уж и Вилкс и Эгле не выдержали, осторожно пригубили, а потом хватили так торопливо, словно изнемогали от жажды.

Но Приеде сделал вид, что ничего не заметил. Ни кривлянья под офицерский этикет, ни страха. Налил по второй стопке всем, спросил:

– Ну, а если бы вы не нашли меня или не застали, что бы вы стали делать?

– Было бы плохо! – признался Вилкс. – Пришлось бы снова возвращаться в лес. У него, – он кивнул на толстого Лауву, – в Видземе проживает женщина, которую он называет женой…

Вилкс уже без опаски снова постучал стопкой по столу, выпил, жадно принялся есть. Затем, передохнув немного, сказал:

– Нам надо обязательно установить связь с «лесными братьями». Нет ли у тебя на примете кого-либо, знающего, где они находятся?

Объяснять, что «лесные братья» давно уже выловлены чекистами, а если где и остались, так прячутся хитрее лис, – Приеде не хотел. Будет время и для деловых разговоров. Он только пробормотал:

– Ну, ну…

– Это важно и для нас, и для «лесных братьев»! – продолжал настаивать Вилкс. – Мы можем связать их с нашими хозяевами…

Уйти от разговора не удавалось. Приеде холодно сказал:

– Если вам и удастся установить связь с двумя-тремя бандитами – прошу извинения, с «лесными братьями», – то вряд ли они поверят, что имеют дело с эмиссарами столь авторитетных в их понятии американской и английской разведок. Вы меня, конечно, извините за неудачное выражение, но наших соотечественников, до сих пор носящих автоматы на шее, называют уже не «лесными братьями» а «лесными бродягами»…

– Насколько я понимаю, Янис, – вкрадчиво сказал Вилкс, – ты не совсем отчетливо понимаешь нашу миссию. Мы должны объединить усилия западных держав и наших людей, жаждущих освобождения, и проложить путь, по которому пройдут другие группы, с рациями, автоматами, радиомаяками. Эти группы сейчас готовятся в Западной Германии, в Англии и даже в Америке, в форту Брэгг. Мы обязаны подготовить тот плацдарм, который нам не удалось создать в тысяча девятьсот сорок четвертом. И этот путь мы проложим не только в Латвию, Эстонию, Литву, но и дальше, в восточные районы Советов. Это можно будет сделать хотя бы через наших студентов, оканчивающих высшие учебные заведения и разъезжающихся на работу в те районы.

«Через наших студентов! Он осмеливается называть их „нашими“! Так вот каковы у этих людей планы!» – думал Приеде, а Вилкс продолжал все с той же вкрадчивой горячностью излагать проекты, один удивительнее другого.

Приеде узнавал в этих речах отголоски давно забытых бесед с Силайсом. В те времена, когда Германия трещала по всем швам, Силайс, взявшийся просвещать Приеде, болтал что-то в таком же роде. Очевидно, Силайс не оставил своих сумасшедших замыслов. И эти простаки верят ему!

Вилкс и в самом деле сослался на Силайса, говоря о своем великолепном «плане широкого проникновения». Ну да, ясно, это подсказка честолюбивого офицерика, бывшего летчика, потом изменника, воевавшего под началом немцев, затем переметнувшегося к англичанам. Англичане, как видно, не гнушаются ничем, если приняли под свое высокое покровительство этого кровожадного фантазера! Приеде помнит, как держался Силайс у немцев…

Но заявление Вилкса о том, что пришельцы должны связаться с «лесными братьями», показалось Янису заманчивым. Если такая возможность представится, Янис избавится от свалившейся ему на голову беды. Мало ли что может случиться в лесу. Эти герои все вместе могут положить свои головы в болотах Курляндии, и тогда для Яниса окончились бы и хлопоты и заботы.

Беседу прервал звонок. Подходя к двери, Янис увидел, как покачивается дверная ручка. Брат. Его нетерпеливый характер сказывается и в этом. Ничего не поделаешь, характер мотогонщика вырабатывается годами!

Разговор сразу перекинулся на какие-то воспоминания о прошлом, на спорт, на домашние дела. Двоюродный брат Приеде огорчался лишь тем, что приятели Яниса не сильны в спорте, даже не слыхали о его личных победах. Но он быстро утешился веселым застольем.

Когда вернулась Майга, праздничный стол был уже разорен.

Приеде смотрел на происходящее с неприятным изумлением и страхом. Сам он сегодня почти не пил, но на его «друзей», несмотря на их предосторожность, рижский «Кристалл» подействовал как гром божий. Толстяк все порывался встать из-за стола, чтобы произнести тост, и падал обратно на стул. Когда он упал мимо стула на пол, длинный Вилкс сказал, что,

пожалуй, им хватит, и они еле уложили толстяка на кушетку. Серый – Эгле – устроился на полу, Вилкс – на диване, но едва прилег, как его начало тошнить. Майга устала от всего этого разгула и безобразия и ушла к себе, ушел и двоюродный брат, и вот Приеде сидел за неприбранным столом один и мог думать о чем угодно.

2

Раньше ему казалось, что он обманул всех. Ну как же! Вот он, живой-здоровый, ходит по Риге, любит Майгу, а сколько людей погибло. И он погибал, но выкрутился. Не каждому дается такое!

Осенью тысяча девятьсот сорок четвертого года, когда советские войска, окружив немецкую группировку в Курляндии, стали сжимать ее со всех сторон, радист Янис Приеде получил приказ пойти в тыл врага для обеспечения радиосвязи авиационного корректировщика с советским командованием.

Корректировщиком был назначен неизвестный ему человек, который назвался Августом.

Приеде работал в разведотделе двадцать четвертой гвардейской дивизии, бывал уже в таких переделках, наверно, потому выбор командования и пал на него. Август был старше Приеде, наверно, штабной офицер. Приеде вопросов не задавал.

Держался Август спокойно, знал и умел, должно быть, многое, и Приеде был доволен новым начальником.

На самолете, до места выброски, их провожал молодой полковник, которого Август называл Павлом Михайловичем.

Из разговора Августа с Павлом Михайловичем, когда обсуждались последние детали предстоящей операции, Приеде понял, что с ним летит опытный разведчик, хорошо знающий места, где им придется работать, и вполне уверенный в своих силах. Это окончательно успокоило молодого радиста.

Размышления Приеде были прерваны световыми сигналами на стенке пилотской кабины. Надо было готовиться к спуску.

Когда бортмеханик открыл люк самолета и сразу рвануло холодом, Приеде отпрянул. Август твердым голосом сказал: «Пошел!» – и, кажется, даже толкнул его. И так велика была власть командирского голоса, что Приеде закрыл глаза и прыгнул в бездну.

Летя в бездонную, кромешную тьму, не зная, что его ожидает на родной, но еще не освобожденной земле, Янис считал, что этим прыжком с самолета закончится в этой войне его солдатский долг. Озирая небо, Приеде увидел высоко в небе помаргивающий глаз фонарика. Этот Август настоящий смельчак! Даже спускаясь на парашюте во вражеский тыл, он руководил своим помощником.

Приеде отнесло куда-то слишком далеко, но это не беда, сначала он найдет Августа, а за широкой спиной командира будет куда уютнее. Конечно, это не родной дом, но все-таки родная страна, где, как говорят русские: «Каждый кустик ночевать пустит!»

С Августом он встретился в немецком корпусном штабе.

Приеде так и не узнал, что произошло в ту ночь на месте выброски. Во всяком случае рано утром, когда Приеде пытался все же разыскать Августа, в спину ему уткнулся автомат. Двое дюжих немцев вынырнули из кустов впереди, и Приеде ничего не осталось, как поднять руки. Августу, который всю ночь искал его, он не успел дать даже условного сигнала об опасности. Через несколько минут, шагая по шоссе со связанными за спиной руками, он услышал выстрелы в лесу и понял, что его командир не пожелал сдаться без боя.

Приеде приготовился к смерти. Он был бы рад, если бы смерть наступила мгновенно. Сейчас он уже проклинал себя за то, что растерялся, увидав немцев…

Он шел медленно, тяжело, и немцы не подгоняли его. Они весело переговаривались об ожидавшей их награде. Приеде понимал немецкий язык, он слышал, как один поддразнивал другого:

– Я бы на твоем месте не брал отпуск! Приедешь домой, найдешь в постели жены какого-нибудь жирного тыловика, прикончишь его, и тебя отправят прямо в бой. В отпуск лучше ездить холостякам. А тебе правильнее ехать в ближайший городок. Там тоже много женщин…

* * *

Приеде знал, что ударом возле Шауляя войска генерала Баграмяна уже отрезали немецкие армии от Восточной Пруссии. Из всех дорог домой для немцев осталась одна – морем. Но над морем все время висят советские самолеты, так что еще вопрос – доедут ли эти немцы до дома. Но даже и это не утешало его. Подумать только, так влопаться! Погибнуть в самом конце войны! Конечно, до конца еще далеко, но если бы Приеде вернулся из этой операции благополучно, их встретили бы как героев и, наверно, пригласили бы на работу в Ригу. Август, возможно, отказался бы, Приеде помнил, как Август произнес фразу Хемингуэя: «Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал контракт на весь этот срок…» Но Приеде не только не отказался бы, он сам попросил бы, чтобы его оставили: он устал от этой страшной войны…

…Приеде, как парашютист, захваченный с портативным радиопередатчиком, был доставлен в немецкий разведывательный орган «Фронтауфклеругетрупп-212»[1]. Этому органу был придан созданный немцами из числа латышских буржуазных националистов диверсионный разведывательный отряд «СС-Ягдфербанд»[2].

У немца, который начал допрос, были красные от недосыпания глаза, тик на щеке, хриплый голос. От него пахло водкой. Тяжелые, как кувалды, кулаки, лежавшие на столе, то сжимались, то разжимались. Но он пока не бил Приеде. Солдаты, доставившие парашютиста, ушли, в комнате у двери стоял эсэсовец с автоматом, огромный, похожий на гориллу, но он стоял, как каменный, широко расставив ноги, не переминаясь, и только смотрел на Приеде, словно бы отыскивал самые болезненные места в его худощавом сильном теле.

Офицер спросил с тем деланным безразличием, которое должно было показать допрашиваемому, что его считают мертвым:

– Фамилия?

Приеде ответил.

– Национальность?

– Латыш.

Немец спрашивал по-русски, но когда Приеде ответил на вопрос о национальности, вдруг поднял трубку телефона, сказал кому-то по-немецки:

– Зайдите! Тут работа для вашей команды…

Приеде сделал вид, что не понимает немецкого, тупо глядел на офицера. Тот брезгливо отвернулся.

Вошел еще один офицер, молодой, лет тридцати, светловолосый с пышной вьющейся шевелюрой, стройный, невысокого роста, которому, судя по лениво заданному им на латышском языке вопросу о том, за сколько Приеде продался русским, было уже известно, что перед ним парашютист-разведчик.

Приеде хотелось ответить, что вот этого латыша, несомненно, купили немцы, но он промолчал. Офицер присел на край стола, вертя в руках сигарету, спросил:

– Коммунист?

– Нет. Мобилизованный солдат.

– Откуда знаешь радиодело? – он кивнул на чемодан с радиостанцией.

---

[1] Очищение фронта (нем.).

[2] Охотящаяся группа (нем.).

– Перед войной Советы открыли курсы любителей в Риге, потом работал в рыболовецком флоте.

Офицер взял трубку телефона, позвонил еще кому-то, спросил:

– Списки слушателей радиоклуба у вас? – Послушал, сказал: – Принесите!

Вошел посыльный солдат, передал толстую книгу офицеру. Тот полистал ее, сказал:

– Да, есть. Адрес? Быстро!

Приеде назвал адрес клуба.

– Не то! Домашний!

Приеде назвал домашний адрес.

Офицер сверил показания с книгой, а может, просто сделал вид, что у него в руках список всех радиолюбителей Риги и он проверяет показания Приеде, потом сказал:

– Герр оберст, передайте его в наш отряд. – И опять быстро спросил у Приеде: – Кто летел с тобой?

– Я его не знаю, – торопливо ответил Приеде. – Латыш. Высокий. Офицер.

– Задание?

– Наблюдение за дорогами. Наводка самолетов на цели. Но это мое задание. Об офицере ничего не знаю.

– Знает! – уверенно сказал немец. Он, видно, понимал по-латышски и внимательно слушал этот короткий допрос. Приеде обратил внимание на то, что ничего во время допроса не записывалось. Должно быть, немцы постепенно утрачивали свою аккуратность. Возможно, его и расстреляют, как неизвестного.

Оберст, побагровев, встал из-за стола, закричал:

– Знает сволочь, но не говорит! А знает он многое! Он знает, как фамилия его командира, с каким заданием они летели.

Он словно бы все распалял и распалял себя этими короткими фразами, вот он уже сделал несколько шагов, вот надвинулся на Приеде, как гора, взмахнул рукой, голова Приеде мотнулась, как будто ее оторвало, и он рухнул.

Били его долго. Сначала офицер, потом солдат. Открывая глаза, Приеде видел скучающее лицо эсэсовца-латыша и все время держал в уме одно: «Я не знаю Августа! У меня свое задание!»

Он так запомнил все, что хотел сказать, что когда его облили водой и посадили к стене, на все вопросы отвечал одно:

– Я не знаю офицера. У меня свое задание!

Оберст приказал солдату привести в комнату второго советского парашютиста. Вот тогда Приеде и увидел своего командира.

Два солдата втолкнули связанного Августа в комнату да так и остались стоять рядом, уткнув ему в спину свои автоматы. И хотя руки Августа были связаны, левое плечо прострелено – рукав гимнастерки был оборван и этим рукавом перевязана рана, – хотя был Август бел, как меловая бумага, все-таки охранявшие солдаты боялись его. И Приеде, взглянув на солдат, скривил разбитые губы в усмешке, – здорово же отделал их Август! Нет, командир не попался, как дурак, он отбивался, сколько достало сил, а сил ему было не занимать, – вот и скосоротил морды обоих солдат, да видно, добавил еще и другим, потому что из-за окна доносились немецкие вопли: «Доктора!» – «Зачем ему доктор? Ему нужны два могильщика!» – «Где ваш офицер?» – «Его несут на носилках, у него прострелена грудь!»

Оберст, обращаясь к эсэсовцу-латышу, сказал:

– Возьмите их к себе в команду, тщательно разберитесь с ними, изучите захваченные шифры и коды. Эти оболтусы должны искупить свою вину перед великой Германией, работая на рации под нашу диктовку.

Произнеся последние слова, он как-то подобрался, выпятил свою петушиную грудь, вздернул подбородок, словно пытался подчеркнуть победу над двумя советскими парашютистами-разведчиками:

– Уведите их. У меня много других дел! – но, взглянув на гордое лицо Августа, стоявшего с поднятой головой, изменил свое решение. – Впрочем, этого пока оставьте здесь! Он, видимо, еще не все понял из-за моего плохого знания латышского языка! – с издевкой добавил он.

Солдаты подхватили Приеде под мышки и поволокли из комнаты. Он еще услышал тупые удары, падение тяжелого тела, немецкую и латышскую брань, потом его начало тошнить, и он потерял сознание.

Очнулся он в каком-то хлеву. Долго лежал в оцепенении, потом попытался повернуться и застонал. Ему стало так жалко себя и своей недожитой жизни, что он заплакал, всхлипывая, как ребенок. И услышал усталый глухой голос:

– Перестаньте, Приеде! Это не к лицу солдату…

Август лежал тут же, в другом углу хлева, под маленьким оконцем, зарешеченным крест-накрест двумя полосами железа. За этим грубым крестом светилось тусклое небо, и по небу ходили далекие отсветы сполохов. Оттуда, из-под далекого неба слышались артиллерийские раскаты, но они были так далеки, что нельзя было и подумать: «Меня спасут!»

Приеде подполз к Августу, разглядел в полумраке растерзанную его фигуру, задал нелепый вопрос:

– Вас тоже били?

– Нет, гладили, – насмешливо ответил Август.

– Простите, товарищ командир…

– Это уже не имеет значения! – непонятно сказал Август.

Он лежал, вытянувшись, примостив голову повыше, и дышал с присвистом, но Приеде все равно чудилась огромная сила в нем. Приеде спросил о том, что сверлило его мозг, как гвоздь:

– Как может латыш, пусть он самый заядлый националист, носить форму немецкого офицера? Как у него рука подымается избивать своих соотечественников! Непостижимо, просто непостижимо!

– А, этот офицер! – догадался Август. – Обычная история, Приеде, самая что ни на есть обыкновенная. Мы выросли на одной земле, но взгляды на вещи у нас разные. Подонки, вроде этого офицера, всеми силами, пусть хоть с помощью фашистов, пусть хоть с помощью капиталистов, стремятся сохранить старое. Мы же боремся за утверждение нового. Они служат злу, мы – добру. Они служат войне, мы проливаем свою кровь, чтобы ее никогда не было на земле! Они сотрудничают с оккупантами для того, чтобы насильственно продлить век капитализма. Нам с тобой пришлось пойти в логово врага для того, чтобы помешать этому!

Приеде, слушая Августа, только вздыхал. А командир усмехнулся каким-то своим воспоминаниям, и по его измученному лицу скользнула злая гримаса.

Приеде грустно сказал:

– Вот таким ублюдкам порой удается спрятаться от справедливой кары народа и найти новых хозяев! А нам, видно, уже не удастся, командир, уйти из этой проклятой ловушки! И это перед самым освобождением.

– Оставь, Приеде! – резко перебил его Август. – Коммунисты никогда не сдаются!

– Я не коммунист, товарищ командир, – робко ответил Приеде, и непонятно было, оправдывает ли он этим свое неверие в будущее или сожалеет, что нет у него такой неукротимой силы жизни, какую он видел в своем командире.

– Жаль! – коротко ответил Август.

И Приеде невольно подумал, что командиру было бы в сто раз легче, если бы рядом с ним в этот самый трудный час его жизни, накануне смерти, был кто-нибудь из тех, с кем он с такой

страстью строил будущую Латвию. Им бы, наверно, было что вспомнить, чем погордиться, они бы нашли слова, чтобы утешить друг друга. А что мог он? Революция в Латвии застала его мальчишкой. Юношество его прошло под грохот войны. Ничего он не успел сделать. Умные люди говорят: только тот человек выполнил свое назначение в жизни, который посадил дерево и родил сына. А он, Янис, еще и не придумал, какое бы ему дерево посадить, а девушка, которую он хотел бы видеть матерью своих детей, осталась где-то в затемненной Латвии, и всякий немец может пристрелить ее, если она еще жива.

Ему стало так жаль себя, что он нечаянно всхлипнул, потом притворился, будто закашлялся, и отвернулся от командира. Август мягко сказал:

– Ничего, Приеде, вот выберемся из этой переделки, и ты сам удивишься, какую же отличную жизнь мы построим!

Загремел замок, раздались голоса. Дверь распахнулась, в проеме выросли два силуэта. Приеде весь сжался, ожидая, что вызовут его. Август даже не шевельнулся.

Солдаты вошли, вгляделись в полумрак.

Один пнул Августа в бок, сказал:

– Ты! Шнелль! Шнелль! Бистро!

Август встал на колени, похлопал поднимавшегося Приеде по плечу, сказал:

– Держись! Их песенка спета!

С трудом поднялся, выпрямился, нырнул за низкую дверь, как в пустоту, и исчез. Дверь захлопнулась, и снова загремел тяжелый замок.

Приеде прислушивался долго, мучительно, до звона в ушах. Ничего не было слышно.

Примерно через час пришли и за ним. Он знал – это еще не расстрел.

Небо было совсем темным от низких, набухших водою туч. Сполохи, вспыхивавшие на нем, стали ярче. Приеде понял – фронт приблизился за этот день. Прожить бы еще сутки-другие, и, возможно, немцам будет не до него, они ведь тоже боятся смерти.

Его провели в штаб разведывательно-диверсионного отряда «СС-Ягдфербанд».

Офицер-латыш в немецкой форме, с которым он встретился в кабинете оберста, оглядел его залитое кровью лицо, брезгливо сказал:

– Отличный вид! Как раз для гулянья по улице Бривибас! – поморщился, кивнул солдату: – Проводи его умыться!

Солдат вывел Приеде к колодцу. Нет, и это еще не расстрел…

Солдат полил ему голову из ведра, вода была звонкой и холодной. Приеде вытер лицо подолом своей рубашки, постоял, вдыхая воздух, пахнущий тлением. Но это был еще не тот запах, какой исходит от убитого на третий день. Он выпрямился и пошел впереди солдата обратно.

И снова увидел Августа.

Август, все еще могучий, хотя и залитый кровью с головы до ног, стоял у входа в особняк оберста. Трое солдат с автоматами наизготовку охраняли его. Август улыбнулся Янису, и Приеде содрогнулся: это была дружеская улыбка, сочувствующая, даже ободряющая, а ведь Август стоял перед смертью.

Солдат ткнул Приеде в спину. Приеде шагнул в комнату.

– Ну как, освежились? – с усмешкой спросил латыш.

Приеде промолчал.

Эсэсовец посмотрел на Приеде испытующим взглядом, словно определял, готов ли тот к сдаче, сделал знак немцу-конвоиру, и немец вышел. Теперь они остались с глазу на глаз. Приеде и этот латыш в форме немецкого офицера.

– Ну вот что, убеждать вас мне некогда, – сухо сказал офицер. – Мне ничто не помешает расстрелять вас за шпионаж. Но у вас есть возможность выйти из этой игры и войти в другую…

Офицер выждал паузу и продолжал – резко, зло:

– Немцы не удержались в Латвии, большевики оказались сильнее. Но война против Советов на этом не кончится. Подождите, с Советами еще будут воевать и американцы и англичане. И мы, национально мыслящие латыши, будем воевать против Советов рядом с каждым из возможных союзников. Начало нашей победы мы закладываем и сейчас, в дни поражения. Вы останетесь жить. Для этого нужно совсем немного: завтра начнете работать на немцев, будете передавать по вашей рации все, что вам прикажут…

Приеде молчал. Он понимал, что ничто уже не спасет его. Август, наверное, погиб. Его убили бы во всех случаях. Убили бы просто за то, что он офицер и коммунист. Приеде – всегонавсего мобилизованный солдат, и он может уцелеть. Для этого требуется совсем немного.

– Хорошо, – с усилием сказал он, – что я должен сделать? Ведь мои шифровальные блокноты и расписание связи у вас. Любой радист может сделать то, чего вы требуете от меня…

– Э, парень, я немного разбираюсь в агентурной радиосвязи. Русские – не дураки, они, наверно, записали твой почерк…

– Ну что ж, я могу работать и сам, – безразлично сказал Приеде.

– Ты слишком торопишься, мой мальчик, – насмешливо остановил его латыш в немецкой форме. – Меня прежде всего интересуют сигналы твоего провала, с помощью которых ты можешь в один из сеансов радиосвязи с центром поставить его в известность о том, что работаешь под нашу диктовку. Вот что важно для меня! Понял?

И Приеде сдался. Ведь могло случиться и так, что сегодня-завтра Советская Армия ударит со всех сторон по окруженной группировке немцев и разгромит ее, как громила уже много раз загнанные в котел немецкие армии. И он останется жить…

Как немного нужно сделать для этого: выдать немцам условные сигналы, чтобы там, в штабе латышской стрелковой дивизии, у полковника, которого зовут Павел Михайлович, думали, что он и Август на свободе. Но велико ли его задание? Он ведь должен только наводить самолеты… Поэтому немцы и не станут требовать большего. А здесь, в этом котле, куда бы Приеде ни направил по приказу немцев атаку самолетов, все равно каждая бомба достанет немца. Значит, и вина его, Приеде, будет не так уж велика…

Он шумно выдохнул воздух, словно бросался в воду, и кивнул. Латыш в немецкой форме понимающе улыбнулся и протянул отличные английские сигареты. Он принимал Приеде в союзники.

3

Приеде знал, как ждут его радиограммы за линией фронта. Поэтому он предупредил латыша, что начинать работу надо немедленно.

Он не знал – и никогда не узнал – только одного: каких радиограмм ждали от него в советском штабе.

После того как он сообщил немецкому радисту свои позывные и сигналы, в комнату, в которой сидели латыш, Приеде и радист, ввели Августа.

Август понял все с первого взгляда.

Приеде был уже переодет, на нем был новенький немецкий мундир, синяки на лице густо запудрены. Увидав своего командира, он побледнел, вскочил с места и вытянулся, забыв о том, что только что перестал быть советским солдатом. Офицер грубо крикнул:

– Садись!

Повернувшись к Августу, офицер сказал:

– Не пора ли и вам смириться? Ваш помощник показал вам хороший пример.

– Да, – сухо ответил Август.

– Просмотрите эту радиограмму, нет ли в ней ошибок?

Август взял радиограмму, просмотрел ее, ответил:

– Нет.

– Я поручился перед немецким командованием, что вы будете работать вместе с вашим радистом на немцев. Вы согласны?

– Да, я вижу, что больше нет смысла портить с вами отношения.

– Проводите его в штаб команды! – приказал офицер автоматчикам, и те с молчаливой покорностью служак вывели Августа из комнаты.

Радиограмма была в условленный срок принята в штабе двадцать четвертой гвардейской стрелковой дивизии.

Третьи сутки подряд в этот предутренний час к радиооператорам приходил молодой полковник Павел Михайлович Голубев, брал шезлонг и молча садился на веранде возле порога операторской. Он никому не мешал, не задавал вопросов, но все в операторской, в том числе и старый сержант-радист, шесть раз в сутки настраивавший свой приемник на волну «Нептуна», знали: полковник не уйдет отсюда до конца передач.

А полковник полулежал в шезлонге, закрыв глаза, и все время видел перед собой сильное, спокойное лицо друга, каким оно было в тот самый миг, когда он, оглянувшись на Павла Михайловича и кивнув ему, нырнул в люк вниз головой и пошел к земле.

«Где же ты, Август, Август?»

С Августом Балодисом Павел Михайлович встретился незадолго до войны, когда приехал в Вентспилс в связи с укреплением советских границ.

В день установления Советской власти Август Балодис, вызволенный из местной тюрьмы силой народа, собрал вооруженных добровольцев и взял штурмом местное полицейское управление. С этого дня он возглавил борьбу против шаек айзсаргов, проводил раздел земли, отыскивал склады оружия, радиопередатчики нелегальных организации, словом, вел ту работу чекиста и коммуниста, какой требовала молодая республика.

В их судьбах оказалось очень много общего, хотя один родился на Урале, в семье крестьянина-батрака, а второй – на берегу Венты, в рыбацкой семье. Но оба они выросли сиротами, один боролся с кулаками, другой – с помещиками, один стал солдатом Родины, ее защитником, второй – подпольщиком, революционером, воюющим за новое будущее народа. И когда они встретились, их ничто не разделяло, а соединяло так много, что они не могли не стать друзьями.

И вот теперь этот человек, друг, пропал в безвестности.

Но, тревожась о нем, полковник думал и о том, что задание, которое было поручено Августу Балодису, все равно надо выполнить, а значит, туда, во вражеский котел, должен лететь другой человек.

Советские разведывательные органы знали, что еще в 1943 году, когда части Советской Армии подошли к границам Латвии, лидеры бывших буржуазных партий и организаций связались с американской и английской разведками и по их поручению создали на территории Латвии националистический центр, который пышно наименовали «Латвийским национальным советом» – ЛНС.

ЛНС был создан втайне от немцев. В ЛНС вошли главари буржуазных националистов Пауль Калниньш – бывший председатель сейма буржуазной Латвии, Янис Брейкш – от партии «Демократический центр», епископ Язепс Ранцан – от христианской латгальской партии и крупный разведчик, генерал латышской буржуазной армии Тепферс. Возглавлял ЛНС сын бывшего президента буржуазной Латвии профессор Константин Чаксте.

У ЛНС были далеко идущие планы захвата власти в республике, когда немецкие армии будут связаны по рукам и ногам наступлением советских войск. В этот момент ЛНС должен был захватить плацдарм на побережье Латвии и объявить о создании нового правительства, которое обратилось бы к Англии и Америке с просьбой о признании и военной помощи.

План этот был во всех деталях согласован с американской и английской разведками, выбрано даже место для десанта войск.

Так союзники Советского государства собирались открыть «второй фронт»! Фронт – против Советской Армии, против латышского народа…

Летом 1944 года руководители ЛНС договорились о взаимодействии с генералом Курелисом, командовавшим латышским диверсионно-террористическим отрядом, который создали немцы и придали своим войскам. Начальник штаба этого отряда капитан Упелниекс и сам генерал Курелис довольно быстро согласились служить новым хозяевам.

К этому сброду ЛНС надеялся добавить латышский легион войск СС и латышские полицейские части, созданные немцами.

Все эти войсковые «формирования» покупались и продавались оптом и в розницу. Послужив немцам, они были готовы служить и противникам немцев, лишь бы подчинить себе народ.

На опорных пунктах ЛНС сидели радисты с портативной радиоаппаратурой, которые поддерживали регулярную связь с англичанами, американцами, шведами, сообщая о положении в тылу и на фронте.

Зафронтовые разведчики 24-й гвардейской стрелковой дивизии давно уже проникли во многие звенья этого провокационного заговора. Были разведчики и в латышском легионе СС. Работу советских разведчиков должен был возглавить Август Балодис.

Павел Михайлович перебирал в уме своих разведчиков: кому же из них можно поручить это щекотливое дело… В Риге, где в ресторане Пальцмана, что у базара, кутили или делали вид, что они кутят, изображая последний день Помпеи, самые видные националисты Латвии, где они скупали оружие, передавали достоверные и выдуманные сведения, где в маленьких кабинетах «с дамами» проходили всяческие совещания и чуть ли не заседания нового «состава правительства», несколько советских разведчиков денно и нощно наблюдали за развитием событий.

Но главная опасность могла возникнуть именно в Курляндии, где националисты собирали свои основные силы. Там тоже действовали несколько человек из группы Павла Михайловича, но если Август Балодис погиб, действия их останутся разрозненными, и авантюристы из ЛНС, может быть, успеют натворить немало бед…

Полковник так задумался, что не услышал скрипа отворившейся двери. Старший лейтенант, дежурный по радиооператорской, стоял на пороге, вглядываясь в предрассветный сумрак.

– Павел Михайлович, – осторожно сказал он, – в эфире «Нептун»!

– «Нептун»? – Полковник вскочил. – Прикажите, чтобы все радиооператоры подключились к приему его радиограммы. Не должно быть никаких пропусков!

Он вошел в операторскую, слушая чуть уловимое повизгивание приемного аппарата. В операторской было так тихо, что каждый сигнал далекого радиопередатчика ударялся прямо в сердце.

Полковнику показалось, что он видит Августа и его радиста. Они лежат где-то в болотистом лесу, возле побережья, на котором морские ветры согнули все деревья в одну сторону, от моря, обломали сучья, так что кроны сосен стали похожи на сдвинутые набекрень шапки подгулявших матросов. Два человека лежат в ложбине, а над ними переброшена антенна, и они, прислушиваясь к лесным шорохам, делают свое дело. Август сжимает в руке автомат, готовый огнем защищать своего радиста, если какой-нибудь отряд «Ягдфельдкоманды» наткнется на них… Лишь бы радист успел передать…

…Расшифрованная телеграмма лежала перед Павлом Михайловичем. Все в ней было правильно. В тексте телеграммы было и условное обозначение, показывавшее, что радист работает не под принуждением. Балодис настоятельно просил организовать налет бомбардировщиков на расположение немецкого танкового полка.

Павел Михайлович набросал ответную телеграмму и передал шифровальщику. В телеграмме он ответил согласием на запрос радиста и сам спрашивал, может ли Август принять еще одну группу разведчиков и указать им место выброски.

Перед рассветом следующего дня, когда над указанным радистом квадратом прошли советские самолеты, причем бомбы падали очень неточно, – Павел Михайлович снова пришел в операторскую. Точно так же взял он шезлонг, устроился на веранде, глядя в бледнеющее небо, с которого словно бы смывало ночные звезды. От недалекого пруда тянуло прохладой, и Павел Михайлович зябко поежился. Он думал о том, что случилось с Августом. Август никогда не стал бы тратить время на наводку самолетов: это была легенда для радиста. По-видимому, радист попал в плен и выдал известное только ему задание. Но жив ли сам Август?

В назначенный час опять раздались быстрые шаги старшего лейтенанта, – он торопился обрадовать полковника.

– Павел Михайлович, «Нептун»!

Снова тянулось томительное время, снова повизгивал приемник, торопились шифровальщики, и вот перед Павлом Михайловичем лежал текст новой телеграммы.

Балодис был жив! Об этом сказало полковнику третье слово телеграммы. Но Балодис и радист были в плену – об этом говорило содержание телеграммы: Балодис давал согласие на прием разведывательной группы!

Да, конечно, немцам показалось соблазнительным принять в свое расположение, под дула своих автоматов еще одну группу разведчиков. Сомневаться в достоверности запроса они не могли, – ведь спрашивали не их, а советских разведчиков. И конечно, немцы поторопили своих пленников ответить согласием. Но Балодис, уславливаясь с Павлом Михайловичем о контрольной проверке, сам предложил этот вопрос: он был безопасен, если бы Балодиса и Приеде захватили в плен. Желание советского командования забросить еще одну группу, опираясь на Балодиса, было естественным. Только Балодис, если бы он работал свободно, должен был ответить отказом.

В конце радиограммы разведчики снова указывали квадраты для бомбежки. Было ясно, что немцы указывают пустые квадраты, скорее всего, болота и глухие хутора. Но Павел Михайлович опять ответил согласием, по вопросу же о выброске разведчиков просил уточнить место,

сигналы, время. Игру надо было продолжать, чтобы дать Балодису возможность бежать. Следовало делать вид, что штаб дивизии ни о чем не подозревает, бомбить указанные квадраты, тем более, что теперь в курляндских лесах за каждым деревом прячется по пяти немцев, – куда ни упадет бомба, она все равно кого-нибудь достанет, особенно, если бомбить не так метко, как того ждут немцы. Балодис сказал Павлу Михайловичу все, что мог, и следовало дать ему хоть время: может быть, он сумеет уйти из ловушки, в которую попал…

4

Этого не знал Приеде. А то, что он узнал, начисто сломило его волю.

Они с Августом сидели у офицера, вызвавшего их для сочинения очередной радиограммы. Август, выслушав наставления офицера, насмешливо спросил:

– Как вы думаете, сколько еще времени советские летчики будут бомбить болото? Ведь, кроме нас, у них, наверно, есть и другие корректировщики. Если вы не хотите провалить нас, то должны время от времени давать и стоящие цели.

– Убивать своих?

– С каких пор немцы стали вам так дороги?

Приеде со страхом слушал этот разговор. Безрассудная смелость Августа пугала его. Что стоит этому офицеру отдать приказ об их расстреле? Но Август держится так, словно не он, а офицер находится в плену.

Офицер и на самом деле согласился:

– Черт с вами, запишите еще вот этот квадрат, тут у немцев какая-то воинская часть.

Они продолжали работать, перебрасываясь короткими фразами, когда в кабинет вошел гауптштурмфюрер СС. Человек этот остановился у порога, вглядываясь в лица сидящих за столом. Приеде только хотел толкнуть локтем Августа, предупредить, как гауптштурмфюрер прошел к столу, спросил офицера:

– Это и есть те корректировщики, о которых вы докладывали?

– Так точно, гауптштурмфюрер!

– Болван! Перед тобой крупный советский разведчик Балодис! И уж он-то прилетел сюда совсем не для корректировки налетов!

Август медленно встал из-за стола, глядя прямо в искаженное ненавистью лицо Силайса. Приеде не поверил своим глазам – Август улыбался! Бледный от гнева эсэсовец, невысокий, светловолосый, весь какой-то издерганный, стоял перед советским разведчиком, размахивая руками, и кричал на своего офицера.

– Вот где бог привел встретиться, господин Силайс! А помните, я всегда говорил, что айзсарги были и будут изменниками своего народа!

– Молчать! – взвизгнул Силайс. Кажется, он хотел ударить Августа, но стукнул только по столу. И крикнул в открытое окно по-немецки: – Конвойных сюда!

В своей ярости он не хотел отделять Приеде от его командира, и их вывели вместе, но потом, видимо, Силайс одумался, приказал вернуть радиста.

Больше Приеде не видел Августа. Он передал еще несколько радиограмм, но, должно быть, у Балодиса был особый сигнал, которого Приеде не знал, потому что русские перестали отвечать на его позывные. А еще через несколько дней он подслушал разговор своего начальника с Силайсом и понял – Балодис бежал во время бомбежки хутора, на котором его содержали…

Только много позже узнал Приеде об обстоятельствах побега. «На прощанье» Балодис сделал все, чтобы испортить немцам игру. В одной из зашифрованных радиограмм, которую передал Приеде, не понимая ее смысла, Балодис назвал советскому командованию координаты пункта, в котором мог высадиться советский морской десант. Названо было побережье возле Ужавского маяка. Немцы одобрительно отнеслись к этой радиограмме, стянули специальные подразделения для отражения десанта. Однако у Балодиса, как видно, были свои сигналы, по которым его радиограммы в штабе Советской Армии читались не так, как они звучали для непосвященных. В назначенный для десанта час над расположением немецких войск появились советские самолеты и разнесли в пух и прах отборные эсэсовские части, приготовленные для отражения десанта… В суматохе бомбежки Балодис успел взломать дверь сарая и уйти…

Приеде оказался не у дел. Некоторое время он еще продержался в должности радиста латышского батальона, приданного немецким частям вермахта, затем отступил вместе с немцами на одном из транспортов в Германию, где и сдался в плен англичанам.

Тут-то он понял, что Силайс – давний слуга англичан.

«Человек, испугавшийся змеи, боится и оброненной веревки», – говорит народная мудрость. И Приеде струсил второй раз. Он испугался жестокого режима для перемещенных, испугался, что ему никогда не вернуться на Родину, испугался всего, чем угрожал ему Силайс, и согласился стать его помощником в работе на англичан.

В глубине души Приеде надеялся, что у Силайса руки коротки: не достанет его на Родине. Поэтому он послушно ответил на все вопросы, заданные ему представителем английской разведки; послушно пообещал помочь тем лицам, которые обратятся к нему за помощью; послушно повторил обусловленный для этого пароль: «Вы сдаете дачу в Майори?» – «Она сдавалась, но сейчас там ремонт!»; послушно отдал хранившуюся у него фотографию времен службы в Советской Армии, на которой он был изображен вместе с двумя товарищами, и сам вырезал ее трезубом так, что на одной части остались лица сфотографированных, а на другой – фигуры.

Половинку с лицами англичане оставили у себя, а вторую приказали тщательно заделать в крышку чемодана. Оставшуюся должны были привезти Приеде те люди, которых англичане пошлют «на связь».

Только после этого Приеде разрешили явиться на сборный пункт по репатриации.

И вот он вернулся на Родину, вернулся с тяжкой ношей, потому что все время думал о хранящейся в крышке чемодана фотографии.

Впрочем, с течением времени он начал успокаиваться, все реже вспоминая о недолгом своем пленении, о белокуром эсэсовце-латыше, называвшем себя Силайсом. Мало ли что могло произойти с этим Силайсом… Может, подох где-нибудь в лагерях для перемещенных лиц. Нищенствует в какой-нибудь Боливии или Австралии. Кусает локти где-нибудь в подполье, узнавая о том, как хорошеет Латвия…

Так думал Приеде до вчерашнего дня.

Сейчас он уже не думает этого.

Длинный Вилкс вбил ему в уши имя этого проклятого Силайса – и теперь, наверно, на всю жизнь.

Только какой она будет, эта жизнь?..

5

Гости проснулись поздно.

Майга с утра поссорилась с мужем, ушла к матери, – как она сказала: «Отдохнуть от безобразия!»

Двоюродный брат, решив, что приехал не вовремя, распрощался и отправился на вокзал.

Снова заговорили о делах.

Прежде всего надо было подыскать безопасную квартиру, потом – документы. Затем следовало побыстрее выехать в лес и вывезти оттуда закопанное снаряжение. Там были два передатчика, средства тайнописи. Вилкс похвалился, что тайнопись такая хитрая, что ее не разгадает самый хитрый химик. Нужны подставные безопасные адреса, на которые они могут получать тайнописные письма из-за границы. Вилкс считал, что для этого неплохо было бы найти трех-четырех старух, или стариков, переписывающихся со своими родственниками, проживающими за границей, и договориться с ними. Приеде никак не мог понять: англичане ли так легкомысленны, или сами эти шпионы-новички и думают, что им все удастся. Он пробовал несколько охладить их пыл, но они пренебрежительно отмахивались от его предупреждений.

Особенно рассердило Приеде требование достать им паспорта.

– Поймите вы, что достать советские паспорта даже за очень крупные деньги – дело почти неосуществимое, во всяком случае – длительное.

Вилкс принялся ругать английскую разведку, которая славится своей изощренностью – и не могла снабдить их «железными» документами. Эгле, или «Серый», как называл его про себя Приеде, сказал:

– Пристрелить кого-нибудь из советских в темном переулке, вот и все!

– Вы что, не изучали советскую паспортную систему? – спросил Приеде. – Если убит человек и у него похищен паспорт, убийцу найти легче легкого. Да и как вы подберете такого, которого стоит убить из-за паспорта? Ведь надо, чтобы он хоть в чем-нибудь походил на вас. Фотокарточку можно и переклеить умеючи, но ведь в паспорте означен возраст!

– Что же вы посоветуете? – довольно уныло спросил Лаува.

– Попрошу кого-либо из знакомых «потерять» паспорт и заявить об этом в милицию. А «потерянные» паспорта вы используете, вам их прописывать не требуется… Только это сложная и долгая затея…

Поразмыслив над словами Приеде, все трое немного успокоились. Ждать они согласны, была бы квартира…

После завтрака Приеде ушел искать квартиру…

Вернулся он не скоро. А когда, открыв дверь своим ключом, вошел, подумал: попал в засаду! Все трое стояли в передней. Лаува и Эгле выставили вперед пистолеты. Только Вилкс держался внешне спокойно, но и у него руки были засунуты в карманы, и видно было, как оба кармана оттопырились – два пистолета!

Приеде хмуро улыбнулся и прошел к себе в комнату, ни с кем не заговорив.

Шпионы постояли еще в передней, пошептались. Потом Вилкс постучался, вошел, неловко объяснил:

– Сами знаете, нервы… Вас долго не было… Это все Эгле…

«Пожалуй, от этого Эгле вернее всего и получишь пулю!» – сердито подумал Приеде.

– А вы возьмите себя в руки, а вашего Эгле – за руки! – коротко посоветовал он. – Позовите их сюда.

Эгле и Лаува, видно, стояли за дверью, прислушивались, тотчас же вошли. Вид у них был растерянный. Приеде объявил:

– Квартиру я нашел. Правда, пока на время, но зато безопасную. Хозяин – свой человек. Квартира на окраине. Но все-таки рассказывать, кто вы и откуда, – не стоит, лучше уж придерживаться того, что вы из Вентспилса. Но из квартиры выходить пока не следует. Позже, когда я раздобуду документы, все станет проще, а ваш Эгле может тогда хоть на курорт ехать, хоть сквозь землю проваливаться, у меня нет никакого желания вечно натыкаться на его пистолет, пусть он и бесшумный!

– Эгле, тотчас же извинись! – приказал Вилкс.

И серый, похожий на тень человек извинился, ссылаясь все на те же потрепанные путешествием нервы.

– Когда и как мы туда пойдем? – деловито спросил Лаува.

– Я с Вилксом могу идти впереди, вы – за нами. Сейчас на улице много гуляющих.

Улица была оживлена: шли люди, ехали автомашины, перегруженные седоками, – по шесть-семь человек – с детьми на коленях. Это частные. В такси сидели чинно, один – впереди, двое или трое – на заднем сиденье.

Автобусы, троллейбусы и трамваи были переполнены, – казалось, весь город двинулся на праздник. Только Приеде было невесело.

Но вот Приеде взглянул на Вилкса, шедшего рядом с таким видом, словно они совсем незнакомы, и усмехнулся: на лице Вилкса была написана полная растерянность. Похоже, что он совсем не ожидал увидеть на улицах то, что видел. Приеде подумал: «Ну да, их учили в этих шпионских школах, что Рига голодает, что тут только и ждут „освободителей“, а на деле все не так…» И спохватился: ведь он и сам принадлежит теперь к этим «освободителям»…

Но маленькую месть он все-таки придумал: не стал брать такси, повел их просто по городу. «Ладно, пусть смотрят! – размышлял он. – Может, что-нибудь и высмотрят, а если высмотрят, так, может, бросят свою дурацкую затею и оставят меня в покое…»

На первом же углу Вилкс, указывая глазами на торжественное серое здание, облицованное гранитом, шепнул:

– А что здесь теперь?

Приеде взглянул на дворец:

– Дом профсоюзов!

И прикусил губу: вспомнил, что этот дом был раньше убежищем айзсаргов.

Тогда он нарочно свернул на улицу Ленина и, остановившись на углу, без улыбки сказал:

– А вот дом КГБ.

Вилкса всего передернуло, и он невольно ускорил шаги.

Но Приеде шел медленно, словно нарочно хотел показать: ему-то нечего бояться в родном городе. И Вилкс, – а за ним и остальные, – замедлили шаги.

Теперь они шли по главной улице и могли на каждом углу читать, что она называется улица Ленина. Они видели магазины – продуктовые были открыты, и там толпились оживленные люди, прибежавшие за срочным подкреплением для праздничного стола. Витрины сверкали промытыми яркими стеклами, и было видно, что внутри полно всяких товаров.

Но вот они миновали нарядный центр города, перешли через воздушный мост над железнодорожными путями и оказались в районе заводов. Трубы заводов не дымили сегодня, но красочные световые транспаранты над ними, флаги на воротах, громкоголосые радиорепродукторы на столбах – все создавало особое, праздничное настроение, которое, наверно, было совсем не по нутру тем, кого Приеде провожал мимо этих строгих зданий, огражденных высокими бетонными заборами. А он шел – и бросал вполголоса:

– Велосипедный завод. Я тут работаю мастером. – И чуть дальше: – ВЭФ. Недавно построили новые цеха. – И опять: – Вагоностроительный. Тоже расширяется…

Свернули на окраинную улицу – Бикерниеку. На углу уже сам Вилкс взглянул на строящееся огромное здание, перед которым выступали ряды каких-то не то дорических, не то коринфских колонн, с любопытством спросил:

– А это что такое?

– А это Дворец культуры завода ВЭФ. Еще строится.

– Я и сам вижу, что только строится! – недовольно пробурчал Вилкс.

На Бикерниеку, застроенной маленькими домиками – тут жили рабочие и служащие многих рижских заводов, – Приеде свернул во дворик, в глубине которого виднелся флигелек, скрытый длинным «хозяйским» домом. У дверей флигеля остановился, вынул ключ, открыл.

– Входите!

Квартира состояла из трех небольших комнат и была пуста.

Вилкс напомнил, что им нужна еще одна квартира, с которой они могли бы работать на передатчике: англичане ждут их выхода в эфир с пятнадцатого ноября, а из квартиры, где будут жить сами, вести передачи не рекомендовали. Приеде порекомендовал провести сеанс радиосвязи из леса. Завтра он выяснит, как можно будет вывезти их снаряжение с берега моря.

Лаува хотел узнать, не может ли Приеде найти им кого-либо для сбора информации. Приеде ответил, что сейчас, видимо, ему придется этим заняться, только, пошутил он, «без применения пистолета!». Все, даже и Эгле, обрадовались. Видно было, что им очень хочется щегольнуть при первой же передаче своими успехами.

Эгле снова завел свою песню о «лесных братьях». Приеде пообещал разузнать и об этом.

К завтрашнему дню Вилкс пообещал приготовить первое тайнописное сообщение.

Расстались вполне дружески. Еще раз повторили пароль и сигнал: условный стук в дверь. Вилкс дал слово, что никто из них выходить сегодня не будет, и Приеде ушел.

От него ждали действий.

6

Устройство шпионских дел оказалось долгим и утомительным занятием. Только поздно вечером на следующий день Янис добрался до квартиры, в которой скрывались приезжие.

Он увидел мрачные лица, настороженные глаза. На приветствие его ответили холодно.

Янис рассердился, поставил среди комнаты тяжелую сумку, которая оттянула ему руку, хмуро спросил:

– Вы что, белены объелись? Если вы думаете, что тут вас ожидали с оркестром и фейерверком, так вы ошибаетесь! Даже мне, который тут всех и все знает, каждый шаг дается с трудом!

Вилкс резко сказал:

– Мы же сидим голодные!

– Тогда надо было ехать на курорт! Брайтон, что ли, называется. На южное побережье Англии, а не на западное побережье СССР! – отрубил Приеде. – А ужин можете получить, вот он, – и пнул ногой сумку.

В сумке что-то зазвенело. И этот звон прозвучал как колокольный зов на праздник примирения. Толстяк Лаува крикнул:

– Осторожно, разобьешь!

И кинулся поднимать сумку.

Эгле, по своей привычке занявший позицию у двери, вынул руку из кармана. Вилкс бурно заговорил о том, что они очень беспокоились: слишком уж долго пришлось ждать.

Но Янис держался непримиримо. Сел в стороне, закурил, не глядя на своих подопечных, которые суетились у стола, раскладывая продукты и восторженно восклицая:

– О, черное пиво!

– А каков угорь!

– Нет, ты посмотри на ветчину! Вся так и светится!

– Открой водку, Эгле!

Наконец Вилкс обратил внимание на то, что Янис остается в стороне, сидит безучастно. Он переглянулся с товарищами, виновато заговорил:

– Ты уж нас извини, старина! Сам понимаешь, каково было ждать тебя целый день!

– Мне этот день тоже в добрую веревку нервов обошелся! – буркнул Приеде.

Тогда и Лаува и Эгле принялись уговаривать его присесть к столу.

Он нехотя принял из рук Лаувы рюмку, но пить не стал, поставил на край стола. Сказал:

– Давайте уж сначала поговорим о делах. А то после русской «Столичной» все покажется в розовом свете…

– А что случилось? – обеспокоенно спросил Вилкс, тоже отставляя рюмку.

Остальные настороженно придвинулись.

– Я пытался узнать, как выручить ваши вещи, но дело оказалось сложнее, чем я думал. Вы не нашли удобнее места, где спрятать вещи: там ведь пограничная зона! Могли бы протащить их еще два-три километра! А теперь к тому месту и не подберешься! Кругом пограничники!

Наступило мгновенное замешательство, потом послышалось: «Вот это да!» Лаува поскреб в затылке, Эгле весь как-то съежился.

Вилкс хрипло спросил:

– Что вы можете посоветовать?

– Что тут посоветуешь? Ехать придется через Вентспилс, а без документов это опасно, вдруг напорешься на контрольную проверку машины. Пожалуй, лучше всего переждать недели две-три, чтобы решить все вопросы разом: сначала добыть документы, а потом уже рискнуть…

– Нет, это не выйдет! – торопливо сказал Вилкс. Приеде заметил, что двое других, кажется, не рвутся за вещами. Но возглас Вилкса как бы разбудил их.

– Да, надо как можно быстрее доставить вещи! – подтвердил Эгле.

– Мы не думали, что наше разведывательное снаряжение будет так трудно взять. Вдруг кто-нибудь найдет? – промямлил Лаува.

– Найти его могут! – задумчиво подтвердил Приеде. – Идет осенний охотничий сезон, там появляются люди… И как вас угораздило даже не закопать, а только замаскировать его? Это же лучший способ для чекистов устроить там ловушку! – рассердился он.

– Не надо беситься, Янис! – мягко сказал Вилкс. – Конечно, мы не правы: и хлопот доставили много, и обижаем своим недоверием, но ведь и нам нелегко! Мы все еще словно между небом и землей!

Он посидел немного, наклонившись над столом, потом выпрямился, строго сказал:

– Я попробую сделать это сам! Достаньте мне, Янис, мотоцикл, и я поеду…

– Как? Без прав и без документов? Ни за что! – решительно заявил Приеде. – Я совсем не хочу быть убийцей! Давайте тогда уж проберемся все вместе, нелегально, по лесу, пешком…

Лаува пробормотал:

– А по-моему, проще всего достать вещи Янису. У него есть документы, есть знакомые в Вентспилсе, а место мы ему укажем…

– Зачем ему-то рисковать? – сердито спросил Вилкс. – Это мы плохо выбрали место для нашего багажа, мы и должны отвечать!

Приеде взглянул на того, на другого. Эгле держался безучастно: пусть решают старшие. Лаува продолжал настаивать на своем варианте – ему, как видно, очень не хотелось снова пробираться на побережье.

Вилкс беспокойно спросил:

– А что вы-то думаете об этом, Янис?

– Черт его знает, как я могу его добыть? Ведь там, поди, не один чемодан? А помощников для такого дела не скоро подберешь…

Долго сидели в раздумье. Затем Лаува решительно заявил:

– Я считаю, что достать вещи может только Янис.

И стал объяснять:

– Там три чемодана и два вещевых мешка. Если их вынести к дороге и нанять машину…

– И шофер сразу решит, что это или контрабанда или краденое имущество… – перебил Приеде.

– Надо взять знакомого шофера… – настаивал Лаува.

– Ну, шофер-то у меня найдется, но что я ему скажу?

– Если шофер знакомый, можно прямо сказать, что купил краденые вещи, скажем, детали для радиоприемников, снятые с рыболовецких судов, собираешься изготовить приемник на продажу или что-нибудь в этом роде, – это заговорил Вилкс, по-видимому, убежденный словами Лаувы.

Янис поморщился, но спорить не стал – их не переубедишь, только сказал:

– Разведать я разведаю, но ничего пока не обещаю…

Лаува облегченно вздохнул:

– Ну, теперь можно и поужинать! – и поднял свою рюмку.

Ели молча. Было понятно, еще переживают первые препятствия. Но вот понемногу разговор наладился, даже Эгле повеселел.

Приеде думал: его самого завербовали при помощи провокаций и побоев. А этих разве били? Они жили на том самом Западе, который им снился еще до войны, как земля обетованная, как высокоорганизованный рай, где каждого ждет не просто сады Эдема, а механизированный Эдем, где на каждого дурака приходится по автомашине, по особняку, по ресторану,

по невесте, по миллиону в какой угодно валюте. Многие предпочитают доллары. Эти захотели фунты стерлингов.

Что же они получили?..

Вилкс заговорил:

– Честное слово, даже во время войны было легче! Я тогда летал на «фокке-вульфе», был летчиком-истребителем, и я сбивал, и за мной охотились, но такого напряжения не испытывал!

– Почему же вы пошли на эту работу?

– А что оставалось делать? Мы пробыли в лагерях для перемещенных годы и годы! До войны я состоял в «Перконкрусте». Президент организации Целминьш знал меня еще учлетом, а инструктором у нас был Силайс. Когда пришли немцы, Целминьш договорился с ними и продал нас всех немцам под названием «добровольцы». А в сорок седьмом году комендантом нашего лагеря стал этот самый Силайс. Целминьш поселился в Риме и начал там издавать газету «Таутас балс»[3]. Он писал, что теперь, когда Германия разрушена, мы, латыши, должны опираться на англичан… Силайс тоже постоянно твердил об этом. Тех, кто сопротивлялся или требовал репатриации в Латвию, отправляли куда-то в африканские копи и рудники, иные вдруг исчезали, организация приказывала подчиниться англичанам, вот и все…

«Да, у этого рай оказался похожим на тюрьму!» – подумал Приеде.

Но теперь их прорвало всех. Как видно, они долго молчали и теперь жаждали сочувствия. Лаува заговорил о своей жене: он не видел ее больше десяти лет, но верил, что она ждет его. И хотя в Англии он, как видно было из его же рассказов, не очень скучал по оставленной семье, теперь его тянуло туда с неожиданной силой. Однако поехать к жене было не просто – в Видземе он был известен многим как один из руководителей уездной организации айзсаргов, а во время войны был чиновником немецкой полиции. Он командовал ротой, получил отличный земельный надел да еще и выгодную службу в уездной земельной управе. Его «рай» был в прошлом. А когда он оказался перемещенным, начался ад. При первой же возможности он начал канючить у англичан «легкую» работу. И вот он здесь. Только вряд ли сейчас эта «работа» кажется ему легкой!

Эгле сначала отмалчивался, но, видно, задело и его. Его рассказ был короток. Эмигрировал вместе с семьей вслед за немецкими обозами. В Англии нашлись сослуживцы отца, – отец был экспортером леса. Отца устроили на работу в лондонских доках экспертом-оценщиком по лесоматериалам. Но отец настаивал, чтобы сын устраивался самостоятельно. Сын состоял в организации «Даугавас ванаги»[4]. Там он встретился с одним из руководителей организации директором департамента финансов Скуевицем. Тот порекомендовал Эгле Силайсу. И круг замкнулся. Сейчас отец думает, что его сын в Шотландии, лечится после автомобильной катастрофы, а Эгле – вот он где!

Да, так себе тот рай, который они получили, а уж местечки в нем оказались возле самой колючей проволоки, которой этот рай огорожен!

Но рассказывали о себе они с определенной целью: им хотелось узнать побольше о самом Приеде.

Вилкс прямо спросил:

– А что случилось с тобой, Янис, когда англичане отпустили тебя из лагеря? Подозрений не было? Ведь ты работал у немцев. Об английской разведке чекисты могли не подозревать, но плен… Хотя Силайс все сваливал на твоего напарника, даже документы какие-то оставил в штабе этой «Ягдфельдкоманды»…

Приеде стало тошно от этого «вечера воспоминаний». Но Вилкс ждал, пришлось рассказывать.

---

[3] «Голос народа» (латыш.).

[4] «Двинские орлы» – латышская фашистская молодежная организация.

Да, по возвращении из плена Приеде некоторое время испытывал боязнь. Он даже не может объяснить это чувство, впрочем, его новые знакомые, наверно, не хуже, чем сам Приеде, знают ощущение, будто за тобой кто-то следит, ждет какой-то ошибки. По ночам Янис просыпался от скрипа тормозов автомашины, от стука каблуков по тротуару. К счастью, он скоро встретил свою знакомую, вы ее знаете, это Майга, и женился на ней. После этого все пошло хорошо. Майга ничего не знает о его прошлом, но она так дружески отнеслась к нему, что Янис очень быстро успокоился, сдружился с рабочими на заводе, приобрел и настоящих друзей, – это один механик из яхтклуба и техник радиозавода. Но вообще-то Янис ведет довольно замкнутый образ жизни, да и Майга не любит посторонних. Это вы и сами должны были заметить, помните, как она была недовольна вашим визитом.

Вилкс усмехнулся, у него было чувство юмора. Еще бы, ворвались посторонние люди, разрушили ее привычный мирок, да и сейчас постоянно отнимают у бедной женщины ее мужа.

После «вечера воспоминаний» снова перешли к делам.

Вилкс убрал со стола посуду и принялся чертить карту той местности, где захоронено имущество. У бывшего летчика было отличное чувство ориентировки. Приеде следил за движениями карандаша и словно сам увидел раздвоенный лог, лесную дорогу, пересекающую этот лог в месте раздвоения, сломанную сосну на мыске, можжевельник, прикрывающий подступы к сосне. Если ничего не случится, найти тайник со шпионским снаряжением окажется просто.

Он долго разглядывал рисунок, высчитал по часам расстояние от тайника до шоссе, на которое вышли потом шпионы, с облегчением сказал:

– Попытаюсь!

Теперь они глядели на Яниса с надеждой. Янис подбодрил их улыбкой и попрощался.

Девятого он не пришел, но Вилкс не волновался. Он чувствовал, что с таким патроном они не пропадут. Вот и еды припас достаточно, не надо самим выходить на улицу, бродить по магазинам. Да и хозяин квартиры ведет себя осторожно: приходит редко, весьма любезно спрашивает, не нужно ли гостям чем-нибудь помочь, и тут же уходит.

Приеде появился через несколько дней. Он был, как им показалось, доволен. Ему удалось разыскать знакомого, который обещал достать бланки рабочих удостоверений, нужны только фотографии. Вчера Приеде уехать в Вентспилс не мог, поедет завтра. Перед отъездом он, возможно, еще успеет доставить им рижские справки.

Фотографии у всех троих были приготовлены заранее. Приеде похвалил за предусмотрительность, похвалил работу: фотографии почти похожи на те, что делают фотографы-пушкари за пять минут.

Задерживаться он не стал, посоветовал попросить хозяина квартиры закупить продукты дня на два, на три.

На другой день документы были готовы.

Строгие официальные книжечки в дерматиновом переплете, в которых было указано, что «гр-н такой-то работает в должности электромонтера на рижской подстанции…», очень всем понравились. Приеде сказал, что в случае внезапной проверки документов эти книжечки могут заменить паспорта, надо только на всякий случай запомнить какой-нибудь адрес, конечно, не тот, где они живут. Повеселевшие шпионы занялись чем-то вроде игры: вспоминали старые названия рижских улиц, спрашивали, как они называются теперь, каждый выбирал «место жительства».

Снова заговорили о «лесных братьях».

Вилкс рассказал, что в школе специалисты по России утверждали, будто в Латвии, Эстонии и Литве «лесные братья» по-прежнему действуют, правда, не в таком количестве, как это было сразу после войны. Но налеты на колхозы, на магазины, на советских работников бывают часто. Он считал, что Приеде просто не знает истинного положения вещей. Чекисты, конечно, не оповещают население об этом.

– Похоже, что вы знаете о «лесных братьях» больше, чем живущие здесь! – усмехнулся Приеде. – Если вам удастся найти несколько человек, скрывающихся в лесу, считайте, что вам очень повезло!

– Постой, постой, – перебил Лаува, – но о существовании «лесных братьев» нам рассказывал латыш, совсем недавно перебежавший на Запад!

– Очень может быть! – насмешливо сказал Приеде. – Ведь этому беглецу надо было есть-пить! Он мог придумать что угодно, лишь бы ему платили за его сказки!

Лаува готов был спорить до хрипоты, утверждая свою правоту, но Вилкс несколько призадумался. Чтобы хоть как-нибудь замять неловкость, он похлопал Яниса по плечу, сказал:

– Спасибо за откровенность. Если бы я не знал твоего прошлого, я бы подумал, что ты просто агитируешь нас за коммунизм. Однако «лесных братьев» мы должны разыскать! Пусть это будет даже небольшая группа, но с нашей помощью она может стать трамплином для прыжка в будущее. Большая часть групп действовала раньше в Курляндии. Вот ты поедешь в Вентспилс, попробуй там разузнать через своих друзей, что в этом смысле можно предпринять.

Он словно нечаянно взглянул на часы: Приеде понял, близилось время отхода поезда, которым он поедет в Вентспилс. Он пообещал разузнать что-либо и о «лесных братьях».

Все встали, пожелали счастливого пути.

Приеде сказал:

– Может быть, мне не удастся обернуться между двумя поездами. Но вы не волнуйтесь! Я буду осторожен…

Вилкс проводил его до дверей, пожал руку.

7

Приеде вернулся только через неделю.

Он появился в квартире в обеденное время, и еще в дверях сообщил:

– Все в порядке!

У его гостей отлегло от сердца. По-видимому, за эту неделю они пережили немало тревог.

Приеде рассказал, как долго он пробирался к «кладу», несколько раз ошибался местом, и, наконец, на третий день обнаружил этот проклятый лог и старую лесную дорогу. После этого все стало просто. Он сообщил своему приятелю, что нужна машина, тот выписал путевку на поездку за дровами, и они перевезли вещи в Вентспилс. На следующий день он выехал поездом, увозя с собой «клад».

Здесь он тоже подготовил удобное место для приема вещей – за городом, на зимней даче, у друзей. Рисковать вещами он не хотел, решил сначала зайти узнать, все ли в порядке, а теперь может ехать за «приданым», хотя сделать это лучше вечером.

С ним согласились, только попросили попутно захватить несколько бутылок вина и пива: по такому счастливому поводу не грех было и попраздновать!

Вечером Приеде привез вещи на такси.

Машину с вещами он оставил возле дома, а сам поднялся в квартиру.

Вилкс встретил его удивленно:

– Где же вещи?

– Плохие же вы конспираторы, черт вас возьми! – с сердцем сказал Янис. – Как я мог тащить чемоданы, не проверив, все ли тут в порядке? Не беспокойтесь, поклажу охраняют лучше, чем в гареме жену султана!

Впрочем, он сменил гнев на милость, вынув из оттопырившихся карманов бутылки вина и пива, сказал, чтобы накрывали на стол, а сам ушел за чемоданами. Когда он перенес вещи, все были готовы к празднику.

Лаува немедля открыл один из чемоданов. В нем оказались банки с консервами, сыр, масло, копченая рыба. Видно, приезжие не очень рассчитывали на гостеприимство. Вилкс сунул портфель с радиостанцией под кровать, даже и не осмотрев, его больше интересовал ужин и рассказ Приеде о поисках.

За удачливого Приеде поднимали тост за тостом. Вообще, на этот раз, как и во время первой встречи, пили «крупно». Вилкс каждый глоток водки запивал пивом, советовал и остальным, утверждая, что это лучший коктейль. Лаува со смехом рассказывал, что Вилкс наловчился в Англии глотать всякую дрянь, но сам от «коктейля» отказался. Эгле тоже предпочитал чистую водку.

Больше всего Вилксу нравилось, что «старое общество» действует. Он, по-видимому, уверил себя, что Приеде и его добрые помощники – бывшие перконкрустовцы, и даже не просил у Приеде подтверждения. Больше всего ему нравились строгие правила конспирации, которых придерживался Янис.

Когда он несколько охмелел, на него вдруг напала подозрительность. Теперь она была обращена на хозяина квартиры.

– Почему он постоянно расспрашивает нас о том, что ему знать не следует? Когда ты был здесь, он помалкивал! А как только ты уехал, стал интересоваться нашими делами! Это не только я заметил, Эгле уже собирался выйти за ним следом и проследить, куда он ходит…

– Ну, друзья, этак вы далеко не уйдете! – засмеялся Приеде. – Хозяин – старый подпольщик! Естественно, что, если меня нет, он должен заботиться о вас. Вы заметили, что мы с ним никогда не бываем здесь в одно и то же время? Вообще-то вы правильно делаете, приглядыва-

ясь к окружающим. Но и подпольщики должны кому-то доверять! А о подозрительных лицах немедленно сообщайте мне, даже если вас насторожит сущая мелочь.

Советами Яниса все остались довольны. Снова заговорили о будущем. Эгле упорно напоминал, что скоро начнется война Запада с Советами, война будет недолгой, а тогда все они получат награды, которые сейчас им и не снятся! Ему Силайс намекал, что активные люди станут не только богачами, но, может быть, получат и дворянство, или даже баронство, а к титулу, соответственно, поместья. Ведь все эти совхозы и колхозы будут переданы тем, кто способствовал победе…

Лаува поправил его: колхозы придется распустить, а землю разделить между крестьянами. Правда, часть крестьян, которые осоветились, придется уничтожить. Но это к лучшему, другим, которым можно доверять, больше достанется, меньше будет недовольных новым государственным строем.

Янис молча слушал.

Впрочем, подшефные Яниса не всегда были такими веселыми. Иногда они задумывались над тем, выполнимы ли вообще их надежды…

Теперь, когда передатчики и все снаряжение были у них, они все чаще заговаривали о том, что пора начать передачи. А Янис приходил на конспиративную квартиру усталый, разочарованный, мало того, злой, и день за днем сообщал, что не может найти безопасного места для передачи.

В конце концов Вилкс не выдержал, обвинил Яниса в неповоротливости. Могла вспыхнуть настоящая ссора, но вмешался Лаува.

– Почему бы Янису не съездить в Плявинас? – посоветовал он. – Надо разыскать мою жену, сказать, что я здесь. Она женщина понимающая, не разболтает. Может быть, удастся организовать передачу от нее?

– Да, организовать и засыпаться! – огрызнулся Вилкс. – Без тебя она нас и слушать не захочет, а тебе показаться в Плявинасе опасно. Тебя там каждая собака узнает.

– Похоже, что не все собаки меня теперь узнают! Видно, постарел! – невесело пошутил Лаува. И признался: – Вчера пошел в парикмахерскую и на улице, лицом к лицу встретил соседа из Плявинаса. Я-то его узнал, так и дергало за язык: поздоровайся! – а он только взглянул удивленно, потом пожал плечами и пошел своей дорогой…

Янис вскипел:

– Кто вам позволил выходить без разрешения?

– Не век же нам сидеть взаперти! – закричал Эгле. – Мы уже давно выходим на час, на два погулять, ничего пока не случилось!

– Ничего не случилось! – передразнил его Приеде. – Когда что-нибудь случится, будет поздно! Вы понимаете, что ваш провал – это моя гибель?

Вилкс примирительно сказал:

– О том, как ты нас встретил и помогаешь, мы сообщали англичанам в наших тайнописных донесениях. А сидеть взаперти действительно невозможно. Мы решили выходить под вечер, когда начинает темнеть, а огни еще не зажжены. Теперь сумерки длинные. Днем сидим дома.

В конце концов Приеде согласился, что такие вечерние прогулки не так уж опасны. Только посоветовал выходить поодиночке, остальные двое должны оставаться дома, чтобы в случае несчастья не были захвачены все. Вилкс и его коллеги поморщились при последних словах, но согласились, что это правильно.

Вилкс опять перешел к тому, что необходимо как можно быстрее установить радиосвязь с Лондоном.

– Представьте себе, что наши тайнописные сообщения не дошли! Что тогда думают шефы? На крайний случай, если ты ничего не можешь подыскать, я рискну сам. У меня есть

в Риге тетка – сестра матери, активная участница организации айзсаргов, руководила женской группой. Если она уцелела, то можно ручаться, что у нее удастся или пожить безопасно или хотя бы связаться из ее квартиры с Лондоном.

– Ну да, мы проведем сеанс радиосвязи и уйдем. Во время этого сеанса пеленгаторы засекут, откуда работает нелегальный радиопередатчик, и старуху спровадят в Сибирь.

– Не так уж страшно! Если и засекут, так обвинить ее не смогут, мы передатчик оставлять не станем.

– Ладно, давайте адрес, – решился наконец Приеде. – Я попробую поискать вашу старушку. Если она здесь, передам привет от вас, посмотрю, как она отнесется…

Со старушкой беседовать не пришлось. На следующий день Приеде вошел к подшефным, поигрывая дверным ключом.

– Мы едем на пикник! – объявил он.

– Куда?

– На дачу! Приятель уступил свою дачу для любовного свидания с субботы до понедельника!

Все оживились, даже забыли об опасности. Особенно развеселило то, что дача оказалась в Майори, том самом Майори, которое было выбрано для пароля и где у самого Приеде никогда не было никакой недвижимости. Совпадение сочли за доброе предзнаменование.

Собирались торопливо. На время отменили все правила безопасности. Эгле и Лаува побежали в магазин за продуктами и вином – какой же пикник без вина? Приеде приволок четыре пары лыж, – недавно выпал снег, ехать на дачу без лыж было бы странно. Вилкс вытащил свой портфель, проверил передатчик.

Из дому выбрались перед самым концом рабочего дня – легче затеряться в толпе. А толпа на вокзале была до того оживленной и шумной, что никто и не обращал внимания на веселую компанию из четверых мужчин с чемоданами, сумками и лыжами.

И вагон был заставлен чемоданами, сумками, лыжами. Похоже было, что весь город собирался с утра в воскресенье штурмовать только что установившуюся зиму.

В Майори высаживалось много отдыхающих. Одни сворачивали на пушистую снежную целину, другие разбредались во все стороны по протоптанным и наезженным дорогам. Приеде повел своих гостей на взморье.

Сложив рюкзаки, сумки и чемоданы в угол комнаты, растопили камин. Раздеваться было еще холодно, но припасенные дрова пылали дружелюбным веселым пламенем. Эгле возился у стола, позванивая бутылками. Лаува вскрывал банки с консервами, резал хлеб, колбасу.

Приеде подмигнул радисту: «Пойду проверю обстановку!» – и вышел.

Протяжно и гулко шумело море, отсвечивая в темноте полосой пенного прибоя. Где-то далеко-далеко в его темном просторе поблескивали огоньки: то ли рыбаки возвращались из рейса, то ли проходили сторожевые суда. Воздух был холоден и влажен.

Перекликались бредущие от вокзала ночные дачники. То в одном, то в другом доме вдруг вспыхивал свет, из труб начинали вырываться подсвеченные искрами крутые клубы дыма.

Янис обошел дачу, потом вышел из ворот на улицу и сделал круг мимо всего квартала. Он шел и думал о Майге.

Раньше в поездки на взморье он всегда брал Майгу. С ней было весело, уютно, она умела внести в каждое дело чуточку игры и шутки. Теперь она только удивленно взглядывает на него, когда он уходит из дома. Было два или три разговора, во время которых Янис ничего не мог объяснить. Потом Майга перестала и спрашивать. Однажды он заметил жену, входя во двор квартиры, в которой жили шпионы, но не остановился, подумал: случайное совпадение. Пожалуй, совпадение было не случайным. Наверно, Майга боится за него! Может быть, она подумала, что появилась другая женщина? Тогда поход за ним мог успокоить ее. В маленьком

домике, куда он так часто ходил, не было ни одной женщины. Так, что-то вроде общежития холостяков.

Он ее не спрашивал о той встрече. И она ничего не говорила. Но грусть, временами сквозившая в ее взгляде, молчание, когда он пытался шутить, отношение к нему, как к больному, которого опасно беспокоить, – все вызывало не только тревогу, но и раздражение.

…Сможет ли он когда-нибудь рассказать Майге о том, что переживает все эти дни!

Вспомнился завод. Там тоже не очень-то довольны мастером. Взялся было участвовать в кружках техминимума, в рационализаторском бюро, а потом все забросил. Да и когда ему заниматься всеми этими делами… Только и хватает времени, что проведать подшефных, передать им городские новости, заготовить продукты… И вот эта поездка, это же опять два дня долой!

Он уже дважды прошел мимо дачи. За опущенными шторами метался неяркий свет, видно, обеспокоенные его отсутствием гости торопливо меряют комнату шагами, подходят к окнам, заслоняя своей тенью настольную лампу. Приеде не хотелось идти к ним. С трудом пересилил себя.

В комнате было уже тепло, но никто не раздевался. Только когда Янис снял пальто, остальные немного успокоились, последовали его примеру.

Передачу решили провести завтра, в пять вечера, как это было предусмотрено в расписании радиосвязи. После сеанса решили сразу же идти на вокзал. В это время будут уходить из многих дач, они опять смешаются с толпой, а если пеленгаторы и засекут работу передатчика, так вряд ли отыщут, из какого дома велась передача.

Сразу стало веселее. Все-таки опасность немного отдалилась. А они не могли не думать об опасности.

Ужинали весело. Спели несколько песен, правда, вполголоса.

После ужина вышли погулять. Вилкс пошутил: «Ночью и воробей на соловья смахивает!»

Шли без опаски. Долго стояли на берегу. Приеде показалось, что его спутники что-то слишком засмотрелись на запад, видно, надоело сидеть в квартире. Подумал: как еще они не перессорились до стрельбы, валяясь по койкам в разных углах в одной и той же комнате. Правда, у них есть карты. Наверно, успели проиграть друг другу всю свою будущую оплату, да и задолжать по гроб жизни. Он об этом у них никогда не спрашивал: начнут жаловаться, говорить о скуке, а чем тут поможешь?

У вокзала светились окна магазинов – зашли туда, купили еще водки и пива. «Хоть день, да наш! – так это, кажется, называется», – подумал Приеде, глядя на развеселившихся «гостей».

Утром долго спали, проснувшись, еще повалялись в постели. После завтрака вышли на лыжную прогулку.

На лыжах ходили не без толку. Разделились по двое. Янис и Вилкс обошли Майори с двух сторон, присматривались, нет ли где воинских частей. Эгле и Лаува ушли в дюны, приглядываясь к отдыхающим. Впрочем, что они могли там приметить? Если ночью и воробей похож на соловья, то среди лыжников и девчонки-то были похожи на парней. Словом, ничего подозрительного.

Передачу начали ровно в пять. Эгле и Лаува заняли позиции на улице, с той и с другой стороны дома. Приеде взялся помогать радисту. Было интересно – новая аппаратура.

Вилкс не стал скрывать от Яниса свои приемы по передаче. Он достал шифровальный блокнот величиной примерно с папиросную коробку, с твердыми обложками бледно-розового цвета, вскрыл хлорвиниловый пакет, в, котором был упакован блокнот, и на его первой странице, под набором пятизначных цифр написал текст своей телеграммы, переведенный с помощью кодовых таблиц также в пятизначные цифровые группы. После того как он проделал

некоторые арифметические действия с этими цифровыми группами, телеграмма была зашифрована, и ее можно было передавать англичанам. В этой телеграмме Вилкс сообщал:

«Рад наконец сообщить при помощи радио о себе и своих друзьях. Недавно наш рижский знакомый через своего друга шофера, работающего в Вентспилсе, вывез наше снаряжение из леса. После ряда неудачных попыток отыскать место для передач нашли такое на взморье. В дальнейшем возможна регулярная связь и передача информации. Прошу в следующем сеансе сообщить о слышимости моего передатчика, так как беспокоюсь за аккумуляторы, долго пролежавшие в земле. На днях женился.

Вилкс»[5].

Шифруя текст, Вилкс очень хвалил английскую систему шифровки и сами английские передатчики, портативные, удобные в работе и легкие для переноса. В самом деле, его передатчик умещался в портфеле.

Последняя фраза радиограммы – о женитьбе – была сигналом, чтобы англичане знали: он работает на свободе. Пропуск условной фразы обозначал бы, что его понудили работать против воли.

После зашифровки Вилкс вырвал листы, сжег их, а пепел выбросил. Потом попросил Приеде помочь натянуть антенну.

В 17.05 Вилкс послал свои позывные в эфир и, перейдя на прием, сразу услышал отзыв английского радиоцентра, находившегося где-то в районе города Ганновера в Западной Германии. Потирая от возбуждения руки, он шепнул Приеде: «Нас слышат!» – и начал передачу. Передавал он быстро, отчетливо. Приеде понял, что перед ним хороший радист.

Закончив передачу и снова перейдя на прием, Вилкс получил подтверждение, что телеграмма принята, и выключил свою станцию. Остальное проделали торопливо: свернули антенну, уложили передатчик в портфель, прибрали комнату и вышли. Эгле и Лаува все еще переминались у калитки.

Пошли на станцию. Обычные горожане, спешащие на дачный поезд. У каждого лыжи и рюкзак или сумка.

В поезде сели в разные вагоны.

С вокзала домой возвращались разными трамваями.

Приеде поехал домой, где его ждала молчаливая Майга, с которой становилось все труднее и труднее разговаривать.

[5] Все приводимые в романе документы являются подлинными.

8

Зима шла утомительно медленно.

Правда, Приеде делал все, что мог, чтобы его «друзья» не скучали. Накупил книг; водил в кино на поздние сеансы; раза два в месяц покупал билеты в театры; навещал по вечерам и выходил вместе с ними на прогулку.

Но шпионам этого казалось мало.

Как-то Вилкс заговорил о том, что часто выходить в город опасно, нельзя ли купить телевизор, благо деньги еще есть. Приеде выполнил и это поручение.

Теперь они довольно часто выезжали на дачу, и Вилкс проводил очередные сеансы радиосвязи с английской разведкой. Передатчик работал отлично, материал для передач давал Приеде, используя, как он говорил, для сбора информации своих знакомых, конечно, втемную, чтобы те ничего не подозревали.

Когда усилились морозы, Приеде отыскал какую-то дальнюю родственницу, которая согласилась уступать ему по субботам свою квартиру «для встречи с друзьями». Эти «встречи» также кончались радиосеансами.

Иногда информация, доставляемая Приеде, была такой обширной, что Вилкс опасался доверять ее передатчику, тогда он отсылал тайнописные послания. Он и сам оценил умение Приеде в сборе информации, и англичане подтвердили, что данные очень ценны для них, и просили передать информатору свою благодарность.

И все-таки шпионам было и трудно и скучно.

Особенно бунтовал Лаува. Желание повидать жену стало для него чем-то вроде навязчивой идеи. Он то и дело обрушивался на Приеде:

– Почему вы не съездите в Плявинас? Вам так просто отыскать мою жену!

Янис объяснял, что он работает на заводе, что отпуска для поисков чужой жены ему никто не даст, что он уже брал один отпуск за свой счет, когда ездил в Вентспилс за вещами, что частые его отлучки из Риги могут кому-нибудь показаться подозрительными…

Лаува ничего не желал слушать. Он отпустил бороду. Янис пошутил, что с этой бородкой Лаува действительно стал похож на шпиона. Лаува смущенно ответил, что завел бороду от скуки.

А через несколько дней он скрылся.

Приеде застал в этот день Вилкса и Эгле очень расстроенными. Они не знали, что и придумать: менять квартиру? Ждать? И вообще: вернется ли этот «лев»?

«Лев» вернулся через день, очень расстроенный. Он все-таки съездил на родину.

Позже он рассказал Янису, что встреча с женой не принесла ему радости…

Сразу войти в дом Лаува не решился. Он долго приглядывался к своему дому. Раньше он думал, что семья, может, выселена, но когда увидел, как в дом пробежал его сын в форме школьника, чуть не ринулся за ним. Однако следовало еще выяснить, нет ли в доме другого мужчины.

Другого мужчины не оказалось.

Тогда Лаува вернулся на вокзал, дождался темноты, сидя в буфете за рюмкой водки, и снова пошел к дому.

Дверь открыла жена.

Жена действительно ждала его. Она и сына воспитала в строгом почтении к памяти отца. Мальчишке теперь пятнадцать лет, он руководит школьной пионерской дружиной.

Но только первое объятие и было, по словам Лаува, искренним. Жена сразу начала спрашивать («Не хуже следователя!» – сказал Лаува), откуда и как он попал домой. Лаува ответил,

что работал на Севере, под другим именем, поэтому не мог писать. И вот теперь, когда у него есть возможность уехать на Запад, приехал к ней, чтобы вызволить ее.

Первое, что сделала жена, закрыла дверь комнаты сына. Самого Лауву она провела на кухню, усадила так, чтобы никто не увидел его через окно, а затем потребовала, чтобы Лаува немедленно явился в милицию и рассказал о себе.

– Но меня ведь арестуют! – возопил он.

– Не навсегда! – отрезала жена. – Теперь жить стало легче. Вон даже из леса выходят, и никто их строго не наказывает. Наоборот, если явился с повинной сам и на руках нет крови, прощают и дают работу. А в твои заграницы я не поеду. Оттуда тоже возвращаются с повинной. Знаю я, как они там жили. А мне нужен честный отец моего сына! И к сыну не подходи, иначе я сама пойду в милицию! Сын знает, что его отец погиб на фронте, а если ты решил остаться дураком, так сыну о таком отце и знать не надо!

Они просидели и проговорили всю ночь. Жена плакала, бранилась, гнала его прочь, опять плакала, а перед рассветом, в шесть часов утра открыла дверь и сказала:

– Уходи! И не возвращайся! Единственное, что обещаю, доносить не пойду. Но если увижу тебя еще раз в нашем городе или где-нибудь еще в Латвии, немедля скажу, что ты скрываешься!

– И подумать только, чем ее купили большевики! Назначили учительницей! – Лаува выругался.

Приеде подумал-подумал, сказал:

– А может быть, мечтой о мире? Знаете, как они говорят: «Мы спасем мир от войны!»

– Ничего, мы еще покажем им войну!

– Да, но женщине, оберегающей сына, она не нужна!

– Мальчик еще будет солдатом! – бушевал Лаува.

– На чьей стороне? – спросил Приеде.

Лаува замолчал.

После встречи с «изменницей» Лаува стал очень нервным.

Приеде замечал, что его гости все чаще ссорились между собою. Но на самого Приеде они глядели с надеждой.

Их одиночные прогулки не приносили радости. Завербовать кого-нибудь им что-то не удавалось. Новые образцы танков и самолетов, которые следовало бы зарисовать и отправить по руслу тайнописи, им не попадались. Напасть на тайные аэродромы не случалось. То ли аэродромов не было, то ли они находились в таких местах, куда опасно было забираться.

Радиосеансы тоже становились опасными. Это они почувствовали на собственной шкуре во время организации очередного сеанса в марте.

Англичане ждали их выхода в эфир пятнадцатого марта в семь часов вечера. Во время предыдущего сеанса разведцентр передал Вилксу целую программу из десятка пунктов, которой шпионы должны были руководствоваться в своей работе. Первым пунктом стояло: связь с «лесными братьями». Затем шел перечень срочных заданий. Среди них были запросы о товарообороте Рижского порта; аэродромах вокруг Риги; продукции рижских предприятий; воинских частях в окрестностях города; замеченных радарных установках и еще в том же роде.

Кое-какую информацию дал Приеде. Лаува, во время поездки в Плявинас, не забывал о своих шпионских обязанностях и добавил свои наблюдения к очередному рапорту Вилкса. Эгле отметил в своей записной книжке все случаи встречи с советскими офицерами и солдатами и постарался определить, какие части и военные училища находятся в Риге.

Так как радиограмма получилась довольно длинной, передать ее решили опять из Майори.

На этот раз поехали налегке, с пятичасовой электричкой, чтобы вернуться сразу после передачи. Близился весенний сезон, в вагоне было полно будущих дачников, ехавших снимать

комнаты, только об этом в вагоне и разговаривали. За таких же съемщиков можно было принять и Вилкса с Приеде, и Эгле с Лаувой.

На даче обязанности разделили по-прежнему: Лаува и Эгле – на страже, Приеде и Вилкс готовятся к выходу в эфир.

Вилкс послал условный сигнал. Радист разведцентра, сидевший где-то на территории ФРГ, ответил, что готов к приему. Вилкс начал передачу.

Он едва успел передать первый десяток слов, как с улицы в окно громко застучали чуть ли не кулаком. Приеде выглянул.

Эгле, с перекошенным ртом, прохрипел только одно слово:

– Пеленгаторы!

Приеде уже и сам увидел крытую военную машину, медленно проходившую по узкой улочке от шоссе к морю, как раз мимо дачи. Он успел только крикнуть Эгле, чтобы он уходил вместе с Лаувой, а сам бросился сворачивать рацию.

У Вилкса заметно дрожали руки, но рацию он убирал умело. Приеде свернул антенну, поглядывая в окно. Вслед за машиной прошли несколько солдат с собакой.

Приеде посоветовал спрятать рацию в чулан, но Вилкс побоялся оставлять ее. Найдут, разузнают у владельца, кто бывал на даче, и тогда им несдобровать. Завернув кожаный портфель с передатчиком в какое-то тряпье, он сунул все в подобранную на кухне кошелку и вышел первым.

По-видимому, пеленгаторы не успели точно засечь передатчик, а может быть, ожидали продолжения передачи, – кроме группы солдат с собакой, никого не было. Лаува и Эгле уже исчезли. Вилкс деловитым шагом уходил в сторону станции.

К девяти часам вечера все были дома. Но пережитое волнение никак не проходило.

Было ясно, что во время предыдущих сеансов передатчик обнаружили чекисты. Теперь следовало на время прекратить выходы в эфир. Вилкс успел отстукать разведцентру условный сигнал об опасности, теперь там наберутся терпения.

Но со временем ощущение опасности стирается, и, пропустив два обусловленных сеанса, на третий они снова вышли в эфир, на этот раз из квартиры той же сердобольной старушки, что предоставляла ее и раньше для «вечеринок» Приеде и его друзьям.

Отбив условную фразу в конце радиограммы: «Недавно женился», Вилкс испытал такое чувство, будто только что одержал бог весть какую победу. Отправив Приеде домой, он подмигнул коллегам и предложил отпраздновать очередной успех.

Коллеги согласились с радостью. Докучное «шефство» Приеде им давно уже надоело. То ли дело развлечься по-своему!

Сначала зашли домой, оставили опасный портфель с передатчиком, немного приоделись, потом поехали в центр.

Было десять часов вечера, город был еще полон гуляющих, начиналась весна – самое лучшее время года. Они вышли из троллейбуса на улице Ленина и остановились, размышляя, в какой ресторан направиться.

В памяти все еще крутились старые названия и у каждого было если и не излюбленное место – Эгле был слишком молод в те времена, – то хоть сведения о чужих излюбленных местах.

Вилкс предложил пойти в «Фокстротдиле». В те времена, когда он был летчиком, там можно было отлично провести время. Были там и «девушки для танцев», и «девушки для ужина», и «девушки на ночь». Но Лаува, как видно, тогда был не богат, он лучше всего запомнил «Стабурагс» на улице Марияс, возле которого вечно толпились полуголодные «веселые» женщины. Женщины эти были не очень разборчивы и брали с клиентов и латами и марками. Эгле был наслышан больше всего о ресторане «Рига», что располагался на улице Дзирнаву…

На улице Калею когда-то дислоцировался полк рижских проституток. Посоветовавшись, решили пройтись по этой улице.

Лаува, выпятив животик, независимо подлетел к одиноко идущей женщине.

– Разрешите вас проводить, мадам? – бойко заговорил он.

– Пожалуйста. До первого милиционера! – спокойно ответила женщина.

Лауву словно ветром перенесло на противоположную сторону улицы. Эгле поспешил за ним.

– Что она сказала?

– Догони и спроси у нее!

Эгле не стал спрашивать. Вид Лаувы ему не понравился.

Вилкс, оставшийся на противоположной стороне, делал им знаки вернуться. Возле уличного фонаря задержались три молодые женщины, о чем-то оживленно разговаривая.

Лаува и Эгле присоединились к своему вожаку.

– Вот, кажется, подходящий товар! – уверенно сказал Вилкс.

– Начинай ты! – пробормотал Лаува.

Вилкс спокойно подошел к женщинам.

– Позвольте пригласить вас в «Фокстротдиле» потанцевать! – сказал он.

Женщины отпрянули, удивленно вглядываясь в него. Одна из них насмешливо ответила:

– Между прочим, этот ресторан называется теперь «Видземе»! – она отчетливо подчеркнула это «теперь». – Да, что же мы стоим? – спохватилась она. – До свиданья, Фрида! – и чмокнула свою соседку. Они словно больше и не видели Вилкса. Та, которую назвали Фридой, попрощалась и ушла в открытое парадное. Две другие медленно направились к улице Ленина.

Вилкс попытался было произнести еще что-то, но язык присох к гортани. От улицы Ленина навстречу женщинам шли двое молодых парней. Вилкс торопливо повернулся, кивнул Лауве и Эгле и пошел быстрыми шагами. Оглянувшись, он заметил, как женщины что-то сказали парням, и те тоже прибавили шагу.

Ждать, когда их догонят и остановят, коллеги не стали. Увидев трамвай, молниеносно оказались в вагоне.

Вылезли из трамвая возле вокзала. Но желания «повеселиться» уже не было. Зашли в магазин, взяли водки и отправились другим трамваем домой. Об уличном приключении почему-то не говорили.

Была у Вилкса еще одна встреча…

Однажды Вилкс вернулся после вечерней прогулки очень оживленный. Ему повезло: встретил старого приятеля, тоже летчика, воевавшего вместе с ним на «фокке-вульфах». Летчик этот – звали его Кампе – попал в плен в курляндском мешке, долго сидел в лагерях, а теперь работает механиком в порту.

Вернулся Вилкс под хмельком – приятель угостил его ради встречи на славу.

– Вы понимаете, братцы, какой это клад! – восклицал он. – Ведь этот Кампе может открыть «почтовый ящик» прямо в порту! Стоит нам указать такой ящик, и англичане на любом идущем в Ригу судне отправят подкрепление, и в первую очередь деньги.

– Ну да, так он и станет рисковать головой ради тебя! – возразил было Лаува.

Эгле молчал, завидовал счастливчику Вилксу.

– Э, старина! – захмелевшему Вилксу все казалось простым. – Он столько пережил в лагере, что чекисты у него в печенках застряли!.. Да я его уже прощупывал, – похвалился Вилкс. – Нет, это свой парень!

– А о новой встрече ты с ним условился? – заинтересовался наконец недоверчивый Лаува.

– Я же у него дома был! И служебный телефон он мне дал!

– А что ты сказал о себе?

– Повторил его историю, только место заключения назвал другое. Он говорил о Сибири, я об Архангельске.

– Да ты же не знаешь, что такое эти лагеря!

– Подумаешь! В таких случаях проще всего повторять слова собеседника. Да и, судя по его рассказу, лагеря для перемещенных, в которых мы пробыли годы, ничуть не лучше. Но теперь, после первого знакомства, я уже могу помалкивать о себе. Тут надо только уметь слушать. Нет, парни, это божий дар, этот Кампе!

В конце концов коллеги согласились с Вилксом, что Кампе может оказаться «божьим даром». Им так не хотелось смотреть на мир из-под руки Приеде, что каждый собственный шаг казался подвигом…

С благословения коллег Вилкс принялся за обработку Кампе. О каждой встрече с ним он рассказывал со всеми подробностями, затем все вместе анализировали каждое слово Кампе и постепенно приходили к убеждению, что бывший летчик действительно «свой парень». Рыжий долговязый механик из рижского порта, специалист по портальным кранам, понравился и коллегам Вилкса – Вилкс показал им Кампе в ресторане «Луна», назначив там встречу с механиком в один из вечеров. Конечно, с Кампе он их не знакомил, важно было просто приглядеться со стороны к новому человеку.

Но от прямой вербовки Вилкс пока воздерживался. Он, что называется, «прощупывал» бывшего сослуживца. Да, Кампе был недоволен безденежьем, сердился на местные власти, отобравшие у его родителей половину квартиры, пока сам он сидел в лагерях, злился на таможенников, которые мешали ему заниматься контрабандой: как механик порта, Кампе имел возможность раздобывать у иностранных моряков кое-какие вещи, но сбыт этих вещей был опасен…

Но вот настал день, когда Вилкс решил, что тянуть больше нечего. Кампе вполне открылся, теперь можно поговорить и о деле.

Лаува невесело пошутил:

– Надень под пиджак свитер потолще, неровен час, этот Кампе ударит тебя стулом…

– Чтоб у тебя язык отвалился! – огрызнулся Вилкс.

Он сунул в карман несколько сотенных бумажек, чтобы «запить» вербовку в каком-нибудь ресторане. Коллеги, проводив его, тоже купили водки; за рюмкой время проходит быстрее, а терпения у них было маловато.

Вилкс вернулся поздно ночью, когда оба его сожителя уже спали. Проснувшийся Лаува включил свет, чтобы расспросить Вилкса о подробностях, и ахнул. Под левым глазом Вилкса разливался огромный мутный синяк, длинный тонкий нос словно бы перекосился, губы были разбиты.

– Что с тобой? – изумленно воскликнул Лаува.

Эгле раскрыл глаза, но тут же закрыл их снова, будто и не просыпался.

– Подлец он! – с трудом шевеля разбитыми губами, пробормотал Вилкс и, не раздеваясь, рухнул на постель. Потом так же невнятно добавил: – Ну, я ему тоже раскрасил физиономию. Жаль, стрелять было нельзя – соседи собрались в коридоре…

Он никуда не выходил больше недели, ждал, когда пройдут синяки. На изумленный вопрос Приеде – что с ним случилось? – ответил, что поскользнулся во дворе и упал. А коллегам о «вербовке» механика сказал только одно:

– Все они тут осоветились!

Но желание вербовать помощников у него пропало. Очень уж запомнилось, как после первого неосторожного слова Кампе вдруг поднялся над столом, спросил: «Да ты что, в шпионы меня заманиваешь?» – и тут сухой его кулак пришелся под глаз, как гиря. Хорошо еще, что Вилксу удалось сбить его с ног, а то неизвестно, чем бы все это кончилось.

После этого случая все трое старались не выходить из дома без Приеде. Только он, казалось, и приносил им счастье и покой.

Но англичане не унимались, они требовали действий. Все чаще они спрашивали: когда же Вилкс перейдет в лес?

Судя по всему, англичане торопились наладить свою «столбовую дорогу» в Советский Союз. Это задание оставалось главным для Вилкса и его людей.

Впрочем, это совпадало с желаниями самого Вилкса. Он еще боялся признаться в этом и самому себе, но город стал действовать ему на нервы.

Надо было нажимать на Яниса Приеде. Без него найти «лесных братьев» будет трудно. Да и захотят ли эти «братья» принять к себе неизвестных людей?

В половине апреля Вилкс потребовал без обиняков, чтобы Приеде сделал все возможное и даже невозможное, чтобы найти пути к «братьям».

– Неужели ты не понимаешь, – говорил он, – что этот вопрос интересует не только англичан! Тут объединились интересы и американцев и штаба НАТО. Все потенциальные противники Советского Союза хотят узнать как можно больше об этой стране. И уж если мы попали сюда, так нам и быть геодезистами, прокладывающими дорогу для других…

Янис хмурился, объяснял, что ему не удается найти нужных людей.

Неожиданно у него объявился союзник – Лаува боялся леса.

Лаува был осторожен. Он не протестовал открыто против высказываний Вилкса, он только напоминал, что лесная жизнь опасна. В городе легче затеряться среди людей, в лесу – каждый костер может вызвать подозрения со стороны чекистов.

Вилкс отмахивался от его замечаний, порой сердился, упрекал Лауву в трусости. Он считал, что именно теперь, когда чекисты как будто успокоились, можно опереться на оставшиеся в Курляндии кучки «братьев». Он не хотел верить, что все «братья» вышли из леса.

* * *

…А в конце апреля Приеде сам подтвердил его правоту.

К Приеде приехал его старый приятель, вентспилсский шофер, который когда-то помогал вывезти из леса шпионское снаряжение.

По словам Приеде, разговор о «лесных братьях» возник в ресторане за бутылкой рижского «Кристалла». Приеде намекнул шоферу, что одному его дружку грозит уголовное преследование и ему хотелось бы сбежать на время в лес. Конечно, денег за помощь он не пожалеет. Шофер, подумав, пообещал разыскать в Вентспилсе одного сослуживца по немецкой армии, латыша по национальности, который года два назад как будто поддерживал кое-какие связи с «лесными братьями». Если ему удастся отыскать этого человека, он сообщит Приеде.

Приеде сказал, что он не очень уверен, приведет ли этот сложный и длинный путь «по цепочке» к успеху, и просил Вилкса не очень полагаться на случайный разговор в ресторане. Вилкс похвалил Приеде за осторожность, но сам не удержался, передал англичанам в очередной радиограмме, что подготовка к переходу в лес начата…

Тут уж англичане принялись предупреждать своего эмиссара. Они боялись, не попадет ли Вилкс в ловушку, если станет связываться с неизвестными и непроверенными людьми.

Вилкс попросил Приеде самого съездить в Вентспилс.

В субботу Приеде уехал, вернулся в понедельник прямо на работу, а вечером явился к Вилксу.

Шофер действительно свел Приеде с человеком, о котором говорил в ресторане. Человек этот показался Приеде очень надежным, сильным, уверенным. Но он потребовал и полного доверия со стороны Приеде.

Приеде был вынужден, не спросив согласия Вилкса, честно рассказать, что речь идет о троих нелегально пробравшихся на родину людях. Пришлось сказать и о рации. Без рации не было никакого смысла перебираться в лес. Новый знакомый Приеде – зовут его Будрис, – внимательно выслушав рассказ, пообещал принять всю троицу в свою группу. Чувствовалось,

что он в этой группе хозяин и что ему тоже важно было установить непосредственную связь с Западом, так что интересы Вилкса и Будриса совпадали.

Будрис пообещал в ближайшее время приехать в Ригу по своим делам. Здесь он встретится с Приеде и, если Вилкс захочет этого, то и с ним. До перехода в лес Будрис должен поставить некоторые условия Вилксу и сопровождающим его лицам, да и личное знакомство с Вилксом обязательно.

Приеде рассказал, что Будрис очень осторожен. Как и сам Вилкс, он опасается попасть на чекистскую удочку. Из этого можно было заключить, что он имеет какие-то связи с националистическим подпольем. Приятель Приеде – шофер говорил, что Будрис активно сражался на стороне немцев. Вероятно, ему есть чего опасаться, хотя сейчас он живет легально. Возможно, он переменил фамилию, как делали иногда те, кто опасался за свои прежние связи с немцами…

Обо всем этом Вилкс сообщил англичанам и получил от них благословение на встречу с Будрисом.

Теперь, когда реальная возможность перехода в лес приблизилась, Лаува стал особенно нервным. Приеде даже как-то сказал Вилксу, что Лаува, по-видимому, хотел бы остаться в городе. Вилкс равнодушно ответил, что Лаува пойдет туда, куда ему прикажут.

Оказалось, что это далеко не так.

Перед Первым мая Приеде пригласил всех в театр. Лаува сослался на головную боль и остался дома.

Когда вернулись из театра, чтобы вместе поужинать, Лаувы не было. На столе лежала записка:

«Решил выйти из подполья. Уехал к жене. Она обещала достать для меня паспорт. О вас ничего не скажу, клянусь богом, не беспокойтесь, но не вздумайте разыскивать меня. Это вас погубит. Не осудите за мой поступок, но дальше жить так не могу».

Из вещей, находившихся в квартире, Лаува ничего не взял, кроме бритвы и смены белья.

Вилкс в бешенстве чуть не разбил свою радиостанцию. Эгле все порывался броситься вслед за беглецом в Плявинас и там пристрелить мерзавца. Приеде резонно заметил, что этим Эгле только толкнет бывшего приятеля просить защиты у милиции.

Но самое главное – этого требовали теперь и Вилкс и Эгле – перейти поскорее в лес. Тогда измена Лаувы будет не так опасна.

Все зависело от Будриса…

9

Встреча с Будрисом состоялась двенадцатого мая.

Перед этим Приеде купил для Вилкса новый костюм, плащ и шляпу. Вилкс не хотел ударить лицом в грязь перед представителем «латышского подполья».

Вилкс долго расспрашивал Яниса, как выглядит Будрис, чем он занимается «в личной жизни», но Приеде отвечал сдержанно:

– Встретишь, увидишь…

Когда любопытство Вилкса начинало надоедать, Приеде сухо напоминал о конспирации, и Вилкс замолкал.

И вот Вилкс и Приеде шли на эту встречу.

Майский вечер был ясен, спокоен. Прошла поливальная машина, подняв серебряные крылья. Цветы, сбрызнутые водой, выглядели тоже как серебряные. Мужчины и женщины заполнили тротуары, влюбленные стояли в подъездах, сидели в скверах. Играли дети под внимательным взглядом мамаш и нянек.

На открытых площадках кафе и ресторанов слышалась танцевальная музыка, звон бокалов, посуды, вилок и ножей. Рига веселилась перед выходным днем.

Приеде и Вилкс вошли в парк Зиедоня, прошли в третью аллею и сели на свободную скамейку.

Вилкс никак не мог скрыть своего волнения. В конце концов Приеде недовольно заметил:

– Надо быть сдержаннее! Ты не невеста, которая ждет прихода жениха и боится не понравиться ему! У нас деловое свидание!

В глубине аллеи показался высокий, стройный человек. Белый макинтош он нес на руке, шел неторопливо. Он остановился возле третьей скамьи, оглядел двух притихших отдыхающих, спросил:

– Не помешаю, простите?

Эта незначительная перестановка слов в обычной фразе была паролем.

Но Вилксу пароль уже не был нужен. Он с восторгом рассматривал этого человека и, кажется, готов был доверить ему свою жизнь без слов. Приеде ответил:

– Пожалуйста, что вы!

Будрис откинулся на спинку скамьи, перебросил плащ на колени и закурил. Искоса посмотрев на Приеде, сказал:

– Теперь, Янис, вы можете нас оставить…

Янис поднялся, кивнул Будрису, предупредил Вилкса:

– Я подожду тебя у выхода, на одной из скамеек слева.

Вилкс и Будрис остались одни. Вилкса словно подтолкнули. Он пошевелил пересохшими губами, спросил:

– Надеюсь, все в порядке?

– Несомненно! – Будрис улыбнулся. – Я слушаю вас. Приеде уже сообщил мне, что вы прибыли с Запада и у вас есть радиосвязь. Чем могу служить вам?

– Нам хотелось бы попасть в один из лесных отрядов…

– Да, у меня есть некоторые связи с такой группой, – подтвердил Будрис. – Но меня занимает, действуете ли вы в этом случае по собственному почину или у вас есть специальное задание? Как вы понимаете, пребывание в такой группе не совсем безопасно. И туда нельзя ехать как в туристский кемпинг – на день или на неделю. Вы волей-неволей подчиняетесь руководству группы, связываете свою судьбу с судьбой всех членов группы, а отлучаться оттуда без особого разрешения невозможно.

– У нас именно такое задание! – горячо подтвердил Вилкс. – Мы должны остаться в группе и вести нашу работу там, на месте. Наша главная задача – связать такую группу с Западом и создать в лесу плацдарм для приема подкреплений, снаряжения, средств и тому подобного, что может быть направлено с Запада для облегчения жизни таких групп и для усиления их активности.

– А если эти ваши «подкрепления» поступят так же, как один из ваших спутников? Его звали, кажется, Лев, но он оказался трусливее зайца, не так ли?

Вилкс понимал, что о бегстве Лаувы ему придется рассказывать. Однако убийственная ирония Будриса относилась не только к беглецу, она задевала и Вилкса. Он сердито возразил:

– Всякое дело имеет и своих адептов и своих ренегатов…

– Но у нас ведь тоже нет гарантии, что бегство Лаувы прошло для вас бесследно. А вдруг за вами уже ходит «хвост»? Или вы в душе одобрили поступок вашего коллеги?

– Он не коллега, он изменник! – угрюмо возразил Вилкс.

– Расскажите о себе! – вдруг другим тоном попросил Будрис.

Он сидел, курил, оглядывая подернутые словно зеленым дымом молодые деревья и кустарник, и, казалось, не слушал. Однако едва Вилкс допускал какую-нибудь заминку, требовательно повторял:

– Дальше, дальше!

Никогда, ни в одной исповеди Вилкс не говорил о себе и о своих надеждах с такой горячностью. Что-то толкало его обязательно убедить этого человека в своей страстной приверженности тому делу, которое он хотел делать и за страх, и за деньги, и даже за совесть, так как он мыслил жизнь только в одной категории – в той, какой она была в этой стране много лет назад. Он хотел идти напролом, идти с завязанными глазами, не желая замечать ничего вокруг, – ни перемен, ни людей.

Будрис ничем не выказывал своего отношения к этой исповеди. Выслушав ее до конца, он равнодушно сказал:

– Речь, самая страстная, не заменяет верительных грамот. А у вас их нет. Между тем я должен доверить вам жизни моих друзей…

– Но моя радиостанция…

– Э, чекисты тоже умеют работать на передатчиках. И порой они засылали в наши группы довольно знающих людей. Ведь малейшее подозрение со стороны наших лесных друзей может стоить вам жизни! Значит, я обязан поручиться за вас, чтобы не возникло никакого недоразумения…

– Если позволите, я могу предложить один способ проверки. Вы назовете мне одну-две песни в известной последовательности, я сообщу об этом в Англию, и в условный час англичане передадут их в своей радиопрограмме на Латвию… Вы услышите их при помощи любого приемника. Согласны?

– Да, это можно считать верительной грамотой! – Будрис насвистел несколько тактов из народной песни. – Пусть будет так: вот вам две песни, «Айя-жужу» и «Зеленая щучка». Жду их в воскресной передаче…

– Но ведь пройдет целая неделя! – разочарованно сказал Вилкс.

– Не беспокойтесь! В это время, если мы договоримся, вы будете уже гостями леса! Если условная передача состоится, значит, все в порядке, если нет, ну что ж, мы дадим вам еще время для новой проверки…

– Состоится! – воскликнул обрадованный Вилкс.

– Но вы должны знать следующее: все распоряжения командира выполнять беспрекословно; из расположения лагеря одним не выходить; все письма для англичан вы обязаны передавать через командира мне, отправку организую я; рекомендую также знакомить командира с

текстом радиограмм в ваш центр, это необходимо для поддержания уверенности наших людей в полной безопасности группы.

– Согласен! – торжественно ответил Вилкс.

– Очень может быть, что вы услышите упреки за политику Запада…

– Я сам принадлежу к тем, кто ненавидит Запад за его проволочки и лицемерие! – горячо заговорил Вилкс. – Подумайте, они до сих пор все стараются делать нашими руками!

– Как патриот Латвии, я согласен с вами, – Будрис вздохнул. – Вы не представляете, сколько мы понесли напрасных жертв! – тут он помолчал, пожал плечами. – Но представьте себя хоть на минуту политиком! Вы невольно поймете, что для Запада все еще не время вмешиваться в дела Советов. Об этом тоже приходится думать! Теперь мы вынуждены несколько изменить тактику и стараться сохранить наши кадры.

– Я вполне согласен с вами! – несколько робея, но, стараясь показаться решительным, поддержал Вилкс.

– И еще одно, – внушительно сказал Будрис. – Вы обязаны соблюдать тактические приемы отряда: сохранение наших кадров на будущее. Если у вас есть свое мнение относительно нашей тактики, то все равно, находясь в отряде, вы не должны распространять его, особенно в беседах с нашими людьми. Они и так перенесли немало потерь, не следует раздражать их намеками на то, что они плохо действуют. О том, как они действуют, мы знаем. И не надо обижаться, если они не будут откровенны на этот счет. Вы придете и уйдете, а им оставаться!

– Ну что вы, я сам счастлив, что попадаю в дисциплинированный отряд! Попасть к головорезам – несчастье! Я понимаю, что после каждой акции начинаются аресты, поиски, разгромы. А кто же останется на будущее? Нет, тут мы целиком согласны с вашей политикой!

Парк постепенно пустел. Скамьи освобождались. Вилкс чувствовал себя несколько стесненно: он занял у Будриса почти два часа.

– Что ж, готовьтесь к отъезду, – сказал Будрис. – Вас увезут с комфортом, на машине.

Вилкс торопливо спросил:

– А не безопаснее ли добраться до отряда пешком? Ведь автомашину могут остановить для проверки документов…

– Машина пойдет с путевкой, вас укроют вместе с грузом, поэтому документы проверять не станут.

– Признаться, этого мы опасались больше всего, документы-то у нас не очень серьезные, так, справки…

– Ехать придется не очень далеко! – успокоил его Будрис.

Оставался последний вопрос – о связи с Будрисом. Вилкс боялся задать его, но Будрис посоветовал сам:

– Если понадобится встретиться со мной, обратитесь к командиру отряда. Он передаст ваше пожелание. Завтра мы с Приеде увидимся и уточним все, что касается отъезда. – И деловито заметил: – Если мне потребуется встретиться в лесу с вами, я организую это через командира группы. А теперь – прощайте!

Вилкс признательно пожал его руку. Он еще посидел на скамейке, наблюдая, как высокий, спокойный человек проходил по пустеющей аллее, надев плащ, который раньше держал на руке. И в этом Вилкс увидел умные действия подпольщика, конспиратора. После того как он скрылся в главной аллее среди гуляющих, Вилкс затянулся сигаретой в последний раз, швырнул ее в урну рядом со скамейкой и медленно пошел к воротам парка, где ждал Приеде.

– Ну, дорогой Янис, – воскликнул он, поравнявшись с Приеде, – вот это человек! Я узнаю людей с первого взгляда, но никогда не встречал никого, кто бы так очаровал меня за один миг! Еще в тот момент, когда он показался на аллее, я подумал: вот это и есть тот человек, которого я жду! У меня просто тяжесть с сердца свалилась. Ведь я все время думал о том, а каковы будут те «лесные братья», с которыми меня сведет судьба? Теперь-то я не сомневаюсь,

они будут похожи на своего руководителя! Давайте-ка зайдем в ресторан, поужинаем и выпьем по рюмочке в честь такой удачи!

Приеде также был доволен тем, что все прошло отлично, но от похода в ресторан отказался. («Он всегда был сухарем!» – неодобрительно заметил Вилкс.) Впрочем, и Приеде был согласен, что встречу следует вспрыснуть, только сделать это надо дома.

– Там же нас ждет Эгле! – напомнил он.

– Да, верно-верно, – спохватился Вилкс. – Пошли, надо порадовать и его!

Зашли в магазин.

Эгле ждал не только с нетерпением, но уже и со страхом за них. Но как только Вилкс начал рассказывать о встрече, все страхи миновали и Эгле был заражен тем восхищением, которое все еще переживал Вилкс. Пили, громко хохотали над чекистами, под носом у которых работают такие славные парни, как Будрис, да и они сами, тоже славные парни: Вилкс, Эгле и, конечно же, Приеде. Кончилось тем, что славные парни пригласили Приеде навестить их в лесу в Иванов день, на праздник Лиго, уж там они покажут свои способности, и выпьют, и попоют, и попляшут. Эгле до того разошелся, что попытался тут же отрепетировать танец, с трудом его уняли.

Долго издевались над беглецом Лаувой. Еще бы, им предстояла романтическая и в сущности безопасная жизнь в лесу, а этот подонок будет скитаться по улицам родного города, боясь, как бы какая собака не облаяла. В том, что Лаува не пошел с доносом, они теперь были вполне уверены. Хозяин утверждал, что ничего подозрительного возле их квартиры не замечал.

Эгле в конце концов уложили. Приеде стал прощаться, сказал, что придет после разговора с Будрисом и все расскажет; попросил приготовить вещи, разложить их так, чтобы у каждого все было под рукой.

Утром он пошел на встречу с Будрисом, оттуда – на квартиру «гостей».

– В этот день, – сказал он подшефным, – вы должны быть тише воды, ниже травы, таково требование Будриса. Было бы позорно вызвать подозрение перед самым решительным шагом… Машина, – сказал он, – будет ждать на улице Стабу возле дома № 12 ровно в двадцать один ноль-ноль.

Даже этот военный, точный приказной язык восхитил Вилкса. Видно, ему до смерти надоело жить по своей воле, он соскучился по дисциплине, когда кто-то другой берет на себя ответственность за все поступки и даже за самую жизнь.

Озадачило их только то, что сопровождать их будет не Будрис и не Приеде, а посторонний человек. Янис объяснил: таков приказ. Янис придет, чтобы попрощаться с ними и проводить к машине, на этом его полномочия кончаются.

Вещи были упакованы, распределили, кому за что отвечать. Часть имущества решили оставить в квартире, оставили и фотоаппарат – что снимать в лесу? Но Приеде понял – боялись, как бы партизаны не заподозрили в них агентов ЧК…

В восемь вечера Приеде пришел снова. Оказалось, что они до сих пор ничего не ели. Раньше они действовали смелее. Хорошо еще, что Приеде захватил кое-что с собой для прощального ужина.

За ужином у всех было какое-то лирическое настроение.

Долго благодарили Приеде за оказанную помощь. Были даже какие-то попытки погрустить в тишине, но Приеде постарался сбить эти минорные нотки. Ну что ж, каждый исполняет свой долг! Они еще встретятся!

Ровно в девять вечера они остановились перед автомашиной, нагруженной какими-то ящиками. Рядом с шофером сидел невысокий, плотно сбитый человек. Приеде подошел к нему, сказал:

– Вот ваши пассажиры!

Человек вылез из кабины. Коротконогий, мускулистый, он был на голову ниже Вилкса.

– Мазайс! – отчетливо назвал он себя, словно вколачивая в сознание попутчиков имя. – Простите, поездка будет без особых удобств, но зато вполне безопасная. Шофер везет товары в кооператив. Документы в полном порядке. Только за городом придется влезть под брезент, чтобы ГАИ не придиралось.

– Что такое ГАИ? – тревожно осведомился Эгле.

– Совсем не КГБ! – засмеялся Мазайс. – Государственная автоинспекция. Следит за безопасностью движения по дорогам. На грузовых автомашинах пассажиров перевозить не разрешается.

Вилкс и Эгле переглянулись, встревоженные их улыбки были довольно бледными. Но и этот коротконогий, хриплоголосый провожатый им нравился.

Торопливо пожали руку Янису и влезли в машину. Мазайс помог им устроить вещи меж ящиков, что-то передвинул, что-то переставил, и к их услугам оказались почти спальные места.

– Полный комфорт! – пошутил он.

Машина тронулась. Ветер странствий снова дул в лицо нетерпеливому Вилксу и его коллеге…

Часть вторая

1

Вилкс отыскал в брезенте маленькую дырку и, прильнув к ней глазом, пытался хоть немного ориентироваться, но огни города скоро остались позади. Влажная весенняя ночь, наполненная шумом деревьев и шорохом гравия под колесами машины, нависла над путниками.

Он слышал рядом с собой тревожное дыхание спутников, мог бы даже отличить их одного от другого. Вот шумно дышит Эгле. Проводник как будто заснул.

Однообразное движение постепенно успокаивало. Внезапно подумалось: если проводник может так спокойно отдыхать, значит, опасности нет. И сразу захотелось спать.

Проснулся он от прикосновения чьей-то руки.

Брезент был поднят. Мазайс шепотом сказал:

– Скоро приедем!

Низкие, словно разбухшие от сырости, звезды раскачивались над самыми вершинами деревьев. В кабину падали капли с ветвей. Машина шла по узкой лесной дороге.

Настроение Вилкса оттого, что он поспал, было отличное. Он спросил:

– Где мы?

Эгле ткнул его в бок. Вилкс торопливо поправился:

– Простите, если нельзя говорить, то я…

– Отчего же? – простуженным голосом, довольно равнодушно сказал Мазайс. – Миновали город Слоку. – Он откашлялся, сердито сказал: – Вот черт, от этой лесной сырости наживешь хронический бронхит. У вас нет с собой кодеина?

– Нет, – растерянно ответил Вилкс. Торжественность минуты как-то не вязалась с разговором о каплях и порошках.

– Жаль, – протянул Мазайс. – Неужели ваши хозяева, надавав столько вещей, не догадались сунуть простейшего средства от кашля? А ведь любому вояке известно, что кашляющий или чихающий солдат опаснее минометного обстрела. Так нет, говорите? Жаль, жаль!

Машина резко остановилась. Шофер высунулся из кабины, сказал:

– Давайте побыстрее, приятели!

Мазайс спрыгнул на землю, тихо скомандовал:

– Подавай вещи!

Вилкс и Эгле принялись подавать ящики, чемоданы, какие-то тюки. Шофер помогал оттаскивать их в лес.

Через три минуты машина была пуста. Шофер скатал брезент, швырнул вдоль борта, пожал руку Мазайсу. На остальных даже не посмотрел.

Немного постояли, наблюдая, как разворачивалась на узкой лесной дороге машина, как еще посветили красные фонарики и скрылись за поворотом.

Мазайс тихо сказал:

– Подождите здесь!

Он шагнул вглубь леса и словно растаял. Вилкс завистливо подумал: «В лесу он как дома!»

И тотчас же послышался мелодичный свист. Несмотря на свой бронхит, Мазайс насвистывал отлично, Вилкс узнал мелодию «Зеленой щучки» – старой латышской песни.

Где-то в стороне послышался ответный свист.

Вилкс предупредил по-английски:

– Ну, Эгле, держись!

Оба внимательно вглядывались в темноту.

Из-под ветвей вынырнули трое. Впереди шел Мазайс, за ним следовал высокий, белокурый, с непокрытой головой человек в кожаной куртке, перепоясанной широким офицерским ремнем с пистолетом в кобуре, и невысокий, очень молодой парень. Если первый казался великаном-богатырем, то второй выглядел просто мальчишкой.

Мазайс тихо сказал высокому:

– Вот наши гости!

Вилкс понял, что высокий богатырь и есть командир.

Командир вгляделся в бледные лица, подсвечивая фонариком, назвался:

– Лидумс.

Вилкс и Эгле назвали себя. Лидумс, показав на спутника, сказал:

– Делиньш…

Это странное имя Сынок в применении к вооруженному молодцу как-то нечаянно развеселило приезжих. Улыбнулся и сам Делиньш. Только командир оставался серьезным. Оглядев сваленные в кучу мешки, чемоданы и пакеты, сказал:

– Личные вещи понесете сами. Остальное возьмут мои люди.

Вилкс посмотрел с сомнением на гору груза и на трех человек, стоявших перед ним.

– Мы поможем, командир…

– У меня людей хватит! Впрочем, если хотите…

Он тихонько свистнул, и прямо перед Вилксом из прошлогодней листвы, что ли, или просто из земли вырос человек с автоматом, направленным в его грудь. В трех шагах от этого призрака появился второй, автомат которого был направлен на Эгле. Эгле торопливо попятился за спину командира, да и Вилкс с трудом сдерживал дрожь.

– Прошу извинить, друзья, за дополнительную охрану, но наша жизнь часто зависит от простой предосторожности! – вежливо сказал Лидумс. Потом приказал двоим, выросшим из

земли: – Помогите нести вещи. – И, опять, обращаясь к Вилксу, которого как будто признал главным из гостей, сказал: – Знакомьтесь, это Граф и Юрка.

Вещи разобрали. Один из «братьев» вызвался помочь Вилксу и взял у него рюкзак. Портфель с рацией Вилкс понес сам.

По лесу шли долго. Где-то гулко ухала сова. Разбуженные ею птицы вдруг встревоженно начинали чирикать, но тут же умолкали, словно придавленные темнотой. Хрустели сучья под сапогами, порой начинала хлюпать вода. Вилкс похвалил себя за то, что догадался переобуться в резиновые сапоги, – «лесные братья» забрались в такие дебри, где и болота, и мелкие речки, и чащоба служили им добрую службу охраны.

Но вот словно из-под ног послышался оклик. Лидумс произнес отзыв, и лес как будто раскрылся, как бывает на театральной сцене при повороте декораций. В самой гущине елей возникла открытая дверь, слабо освещенная изнутри светом керосиновой лампы, над дверью – беспорядочное нагромождение маскировочного лапника, а внизу, в теплой и чисто убранной землянке, – двое настороженных внимательных людей.

Лидумс пропустил гостей, вошел следом, за ним ввалились Мазайс, Делиньш и двое с автоматами, освобождаясь от груза. Вилкс с любопытством наблюдал, как быстро и без шума помогали им убрать груз остальные «братья». По-видимому, дисциплина в отряде была крепкая.

Командир выждал, когда все освободились, представил гостей.

Отряд был небольшой, должно быть, не больше семи человек. Кроме тех, что встречали приехавших, был еще человек с кличкой Бородач и толстый повар, которого все так и называли: Кох[6].

К приходу гостей в отряде подготовились заранее. Вилкс увидел самодельный стол из сосновых плах, на котором стояли солдатские котелки, банки консервов, лежало на доске нарубленное кусками мясо, растопырила плавники сваренная целиком крупная рыбина, поблескивали две бутылки водки.

Лидумс пригласил всех к столу.

Вилкс развязал свой рюкзак, выставил прихваченную из Риги бутылку водки и положил несколько пачек сигарет. «Братья» заулыбались, вскрыли сигареты, задымили. У них, как заметил Вилкс, главным куревом была махорка и дешевые папиросы, видно, из местных сельских лавок.

О делах не разговаривали. Вилкс помнил предупреждение Будриса, а Лидумс, наверно, тоже предупредил своих людей, что с новичками надо держаться осторожно.

Спать улеглись на нары. Вилкс заметил, что «братья» разъединили гостей. Между Эгле и ним лежали двое с автоматами под боком.

На охрану лагеря Лидумс отправил двух человек.

Да, здесь все напоминало об опасности.

Однако усталость сделала свое: спали как убитые.

Утром Вилкс долго лежал с открытыми глазами, размышляя о будущем. В бункере было тепло от небольшой глинобитной печи. Все еще спали.

Внезапно он услышал какой-то тихий звук, похожий на шарканье ножа по оселку. Повернувшись в сторону звука, он вдруг застыл от ужаса. Возле теплого бока печи по деревянной наре ползла, издавая тонкий неприятный звук, темно-серая змея. Видно, ее рассердил храп Мазайса, спящего рядом, и она разглядывала человека, прежде чем броситься на него. Вилкс лежал в трех шагах от змеи, он видел ее извивающееся тело, видел, как она приближается к спящему, но не мог шевельнуть и пальцем.

[6] Латышское произношение слова «кок»

Мазайс лежал с открытым ртом, на спине, и все похрапывал, а змея медлила, словно искала место для смертельного укуса. Вилкс попытался откатиться от нее и с трудом передвинул отяжелевшее тело, толкнув спящего рядом Делиньша. Делиньш что-то пробормотал, но, видно, условный рефлекс «лесного человека» сделал свое, он проснулся и сел. Дальнейшее произошло так быстро, что Вилкс ничего не успел сообразить. Делиньш сунул руку под изголовье, затем хлопнул выстрел, и обезглавленное тело змеи медленно сползло с нар на земляной пол.

Все вскочили, хватая оружие, Граф мгновенно выпрыгнул за дверь и упал, готовый стрелять во все стороны. А Мазайс, дрожа от отвращения, уже поднимал змею за хвост.

– А здорово ты ее… – пробормотал он, глядя на Делиньша, все еще сидевшего на нарах с пистолетом в руках. – Смотри-ка, начисто голову срезал!

Он вышвырнул змею за дверь, позвал Графа:

– Эй, парень, представление окончено!

Лидумс, ставя обратно на предохранитель свой автомат, пошутил:

– Ты бы хоть предупреждал, что стреляешь по змее. А то мне показалось, что наши гости привели за собой «синих»… – И пояснил: – Так у нас называют войсковые части чекистов… За цвет их петлиц.

Вилкс все не мог унять внутреннюю дрожь отвращения. Эгле медленно сполз с нар, выглянул за дверь, как будто хотел удостовериться, что это не нашествие змей, а всего лишь змеиная разведка.

– И много их здесь? – с трудом разжимая губы, спросил Вилкс.

– Хватает! – беспечно ответил Делиньш. – Кто ложился последним? Почему дверь неплотно закрыли?

Никто не ответил. Но Вилкс поклялся себе, что нарочно станет ложиться последним и закрывать двери. Больше о змее не вспоминали.

День выдался солнечный, яркий. Гостям, привыкшим к почти тюремному режиму рижской квартиры, это весеннее солнце, пряные запахи трав и цветов, этот бьющий сквозь ветки деревьев, словно бы колючий, свет казались чудом. Мазайс, как добрый знакомый, повел гостей по неприметной тропинке к речке, на которой когда-то была бобровая запруда, а теперь остался маленький омуток. Там они умылись.

На завтрак опять были и мясо, и свежая рыба. Вилкс обратил внимание на то, что рыба была морская, должно быть, у «лесных братьев» была какая-то связь с рыбаками…

После завтрака Лидумс распределил занятия между членами своей группы: двоих назначил на караул, Мазайса направил в лес за дровами для кухни. Гостям он никаких заданий не дал. Отдав необходимые распоряжения, Лидумс обратился к Вилксу, по-прежнему выделяя его как главного:

– Первые несколько дней вам придется осваиваться с нашей жизнью, чтобы не совершить какой-нибудь оплошности по незнанию или… – он не договорил, но Вилкс понял, что им пока не очень доверяют. Помолчав, Лидумс вдруг спросил: – У вас оружие есть?

– Да, – ответил Вилкс.

– Сдайте его Делиньшу.

Эгле дернулся было всем своим сухим телом, словно намеревался немедленно открыть стрельбу, но Вилкс незаметно наступил ему на ногу. Сам он подчеркнуто спокойно расстегнул пиджак и вынул подвязанный под мышкой пистолет бесшумного боя с надульным глушителем, положил на стол. Эгле помялся еще немного, но тоже полез в прорезанный насквозь карман брюк, – свое оружие он держал привязанным к ноге. Выложив длинноствольный автомат на стол, Эгле насмешливо спросил:

– Ножи тоже сдать?

– Пока – да, – спокойно ответил Лидумс.

Эгле хмуро вытащил из внутреннего кармана куртки нож, нажал пружину в рукоятке, и нож со звоном раскрылся. Воткнув его в столешницу так, что рукоять закачалась, Эгле отошел от стола и уселся на нарах, опустив голову, Вилкс положил свой нож на стол, не раскрывая.

Делиньш, по знаку Лидумса, сгреб со стола оружие и вышел из бункера. Лидумс положил на стол обветренные, красные от ветра и загара кулаки, тихо сказал:

– Наша и ваша жизнь зависит от тех мер предосторожности, которые мы сумеем предпринять. Я видел слишком много смертей, причиной которых были бахвальство, излишняя смелость, невоздержанность, глупость. Поскольку Будрис поручил мне принять вас, я сделаю все, чтобы вы уцелели. Но вам придется жить отныне по нашим законам.

Он встал, показывая, что разговор окончен, но Вилкс все не мог оторвать взгляда от этих мощных рук. Нет, не хотел бы он иметь этого человека в числе врагов! Он же может, наверно, убить человека ударом кулака!

Лидумс взял с полки, прибитой над изголовьем его лежака, толстый блокнот и ушел. «Братья», безмолвно наблюдавшие сцену разоружения, тоже отправились по своим делам. Остались только гости да Юрка с Графом.

Юрка, растянув на коленях брезентовую непромокаемую куртку, аккуратными стежками пришивал заплату на прожженную полу. Граф читал какую-то книгу, лежа на нарах лицом вниз. На гостей они, казалось, не обращали внимания.

Эгле подсел к Вилксу, шепнул:

– В городе и то было лучше. А тут как в тюрьме! Поговори с командиром, что нам пора начинать работу. Мы же должны сообщить в разведцентр, что перешли в лес. Может быть, тогда он перестанет считать нас гостями и даст какое-то дело.

– С пистолетом? – иронически спросил Вилкс. – Смотри, как бы тебя не пристрелили из твоей же «пушки». Ты же видишь, нас проверяют. А ты разве поступил бы иначе?

Эгле снова увял и медленно поплелся вон из бункера. Вилкс увидел, как Юрка отложил свою работу и последовал за Эгле.

Вилкс тоже вышел из бункера, словно хотел посмотреть, куда делся Эгле, и не преминул заметить, что следом за ним сейчас же встал Граф. Да, их пока что охраняли весьма тщательно.

Впрочем, человек, назвавшийся Графом, ему даже понравился. Узкое породистое лицо с серыми острыми глазами, очень смелыми, цепкими, если можно так говорить о взгляде, гибкое, но сильное, как будто стальная пружина, тело, ровный голос, спокойная улыбка, действительно – Граф!

Вилкс остановился между бункером и кухней, подождал Графа и спросил:

– А где командир?

– Вероятно, на старой вырубке. Он не любит, когда ему мешают. Но вы – другое дело. Пойдемте, я покажу его любимое местечко.

Вилкс внимательно огляделся.

Лагерь был устроен на бугорке, в углу лесного квадрата. С того пункта, на котором находился Вилкс, хорошо просматривались таксаторские просеки, определявшие номер и размеры квадрата. Одна просека уходила прямо на юг и терялась в мареве дальнего болота. Вторая, пересекавшая эту под углом в девяносто градусов, просматривалась далеко на запад и на восток. Часовой, стоявший на скрещении этих просек, отлично видел все живое, что могло появиться в лесу на просеке…

Эгле, заметивший Вилкса, подошел к нему в сопровождении Юрки. Из-за бункера показался широколицый, низкорослый Мазайс.

Вдруг откуда-то донесся далекий лай собаки. И в тот же миг лающей собаке ответила другая, третья, как будто они окружали лагерь со всех сторон.

У Эгле посерело лицо, он схватился за дерево, чтобы не упасть, глядя на Вилкса вытаращенными глазами. Мазайс выпрямился, разинул рот и ответил таким же хриплым, харкающим лаем. Ответный лай послышался совсем близко.

– Что это? Облава? – просипел Эгле, мгновенно потеряв голос от страха.

Граф усмехнулся, сказал:

– Дикие козлы. Разве вы их никогда не слыхали? – и обернулся к лающему Мазайсу: – Перестань! Не видишь, напугал гостей! – И объяснил: – Мазайс каждое утро с ними переругивается! Они уже привыкли задавать концерты. А может, злятся, что мы заняли их стоянку. Да вон они…

Через просеку, в какой-нибудь сотне шагов, грациозно пронеслись стайкой дикие козы во главе с владетелем гарема – бородатым круторогим козлом. У Эгле все еще были круглые от страха глаза.

У Вилкса тоже мурашки бегали по коже, хотя держался он непринужденно. Он еще раз внимательно оглядел лагерь.

Строители лагеря предусмотрели все. Они устроили искусственный «ветровал», обрубив у нескольких елей корни и вывернув их из земли вместе с комьями и «редькой». Только опытный лесник мог бы догадаться, что никакого «ветровала» тут не было, деревья лежали крест-накрест, а уж под ними был укрыт бункер. Чуть подальше, под таким же навалом, но поменьше размером, укрывалась кухня, продуктовые ямы с плетенными из сучьев покрышками, замаскированные так, что толстый Кох, ругаясь на чем свет стоит, оставил их открытыми, так как провалился как-то в одну из них.

Граф прошел мимо Коха, указывая дорогу.

Лидумс, огромный, сгорбившийся, похожий на лесного бога, сидел на широком пне, держа в руках огромный блокнот, и что-то писал. У его ног лежала коробка с цветными карандашами и вторая, поменьше, в которой чернели какие-то палочки. Перед ним простиралась старая вырубка, поросшая кривыми мелкими березками, ольхой, усаженная почерневшими пнями, корягами.

Вилкс и Граф подошли сбоку, громко шурша палой прошлогодней листвой и белым мхом, но командир их не слышал: он сидел, вперив взгляд куда-то вперед, как будто видел на вырубке нечто такое, что было невидимо другим.

Вилкс поднял глаза на раскрытый блокнот Лидумса: на лист блокнота было перенесено сражение между тенями, деревьями, пнями, корягами, и все эти таинственные силы жили и дышали, исполненные необычной прелести или страшной угрозы, в зависимости от того, что передал карандаш художника – зеленый ли лепет листьев, или же темный мир пней и коряг…

– Что это такое, господин Лидумс? – спросил пораженный Вилкс.

– Это? А… – Лидумс рассеянно закрыл блокнот. – Я ведь художник, – просто ответил он.

– Художник? И здесь?

– А почему бы и нет? – Лидумс выпрямил спину, указал рукой на соседний пень и отпустил кивком Графа.

– Вот оказались же вы здесь? А вы, как мне передавал Будрис, бывший офицер воздушных сил Латвии.

– Но я – военный…

– Я тоже воевал. Много лет. – Голос Лидумса стал сухим, жестким. – Впрочем, вы, вероятно, искали меня для разговора? Я к вашим услугам.

Однако странное занятие Лидумса уже не давало покоя Вилксу. Ему очень хотелось заглянуть в таинственный блокнот, который Лидумс положил на землю. Лидумс проследил за его взглядом, усмехнулся.

– Если угодно, пожалуйста! – он протянул блокнот Вилксу.

Вилкс задумчиво перебрасывал листы, отмечая про себя чистоту и силу линии, краски: тут были и акварели, и рисунки карандашами и углем, – теперь Вилкс понял назначение черных стерженьков, лежавших в коробке у ног Лидумса, – это были угольные карандаши. Вилкс рассматривал наброски людей у костра, людей, чистящих оружие, обедающих, читающих, пишущих письма. Но была во всех рисунках одна странность: художник писал людей без лиц: со спины, сбоку, со склоненной головой. Вилкс уже узнал их: это широкие плечи Мазайса, это гибкое, стальное тело Графа; это несомненно Кох, вот его плечо с протянутой вперед рукой. Но лиц не было…

Он растерянно спросил:

– Почему они все написаны в таком неожиданном ракурсе?

– А если мои рисунки случайно попадут в чужие руки? – со странной холодностью спросил художник.

Вилкс густо покраснел и вернул альбом художнику.

– Я вас слушаю, – суховато сказал Лидумс.

Теперь Вилкс видел командира по-другому, совсем не так, как еще десять минут назад. Тогда Вилкс отмечал только, что командир старается ничем не выделяться среди своих подчиненных. Одет так же, только кожаная куртка, может, меньше потерта да сапоги поновее, спит вместе со всеми, ест за одним столом, смеется общим шуткам, умеет пропустить рюмку, держится спокойно. Но сейчас Лидумс казался ему и сильнее, и выше всех. И странно, второй раз за эти дни Вилкс испытывал полное душевное равновесие. Впервые он почувствовал это равновесие в городском саду, когда встретился с Будрисом. И такое же ощущение мира вызывал в нем этот великан. Даже ростом эти двое подходили друг к другу, как будто перст судьбы сознательно отметил их.

Вокруг пели мелкие птахи; поползень, серый, похожий издали на лохматый кусок коры, вдруг побежал вниз головой по стволу ближнего дерева; зацокала синица, словно предупреждала птичий народ о появлении людей; потом где-то послышалось торопливое карканье любопытной сороки, а вот и сама черно-белая красавица вымахнула из-за кустов, сделала круг над людьми, закричала еще громче. Лидумс усмехнулся.

– Вот какой переполох мы наделали в птичьем царстве! Будь тут хоть самый захудалый разведчик, все равно догадается – сидят люди!

Вилкс, торопливее, чем следовало бы, оглянулся.

– Ну, сюда не так просто пройти! – сказал Лидумс. – Сейчас у нас чисто райская жизнь! Летом и осенью труднее. Летом комары, – чтоб им подохнуть, кровопийцам! – осенью – дожди, болота, с первым снегом – опасность преследования, следы-то никуда не денешь! А сейчас что-то вроде отдыха в охотничьем домике хорошего поместья! Еда есть, занятия тоже найдутся, нет, сейчас хорошо! – совсем весело закончил он, будто ждал, что Вилкс начнет спорить.

Вилкс все молчал, поэтому Лидумс подбодрил его:

– Ну, дорогой Вилкс, что вы хотели сказать?

– Я не знаю, предупредил ли вас Будрис, что мы работаем на англичан?

– Да, он говорил об этом, – спокойно ответил Лидумс.

– Половину задачи, поставленной перед нами, мы выполнили – связались с лесом. Это было самое важное из намеченных для нас предприятий. – Вилкс не удержался, чтобы не польстить. – И я очень рад, что мы попали именно в вашу группу. Кратко говоря, мы должны открыть при вашей помощи столбовую дорогу для англичан и, если они захотят, американцев в Советский Союз. Здесь мы организуем первую станцию нашей будущей дороги…

– И что же, это будет дорога с шумным движением? – иронически спросил Лидумс.

– Я не знаю всех замыслов разведцентра, – сдержанно сказал Вилкс. – Но перед отъездом из Англии я слышал, что у них существует план широкого проникновения. Об этом говорили и наш соотечественник Силайс, находящийся на официальной службе в английской раз-

ведке, и чиновник англичанин из прибалтийского отдела «Норд» – из «Сикрет Интеллидженс Сервис». Советский Союз всячески затрудняет действия англичан и американцев. Попытки английской разведки засылать своих людей под видом туристов, представителей деловых кругов и разных групп по обмену на основе дипломатических соглашений дают очень ограниченные результаты. А мы должны сплотить национально мыслящих людей не только в Латвии, но и в соседних республиках, проникнуть далеко на восток России, одним словом, это акция долгая и далеко направленная. Затем нам нужны и чисто разведывательные данные о положении в Латвии, тут, – я думаю, – ваши люди могут помочь нам.

– Что еще вам требуется?

– Нам надо как можно быстрее связаться с разведцентром. Вы не можете себе представить, как сложно оказалось жить в Риге! Только благодаря тому, что мы встретили настоящих патриотов, мы смогли продержаться эту зиму. Я передал в разведцентр о наших денежных затруднениях, и они обещали переслать нам и деньги и ценности с курьером. Надо указать им безопасный «почтовый ящик» для приема этих ценностей и средств. Тут тоже нужен ваш совет, какие ценности здесь легче всего реализовать?

– Ну, это уж зависит от ваших хозяев, они должны понять сами, что легче всего продается и покупается, а в общем, что бы ни прислали, все можно будет продать. А найти «почтовый ящик» мы вам поможем…

– А как со сведениями? – с надеждой спросил Вилкс.

– Боюсь, что в этом деле мы как раз ничем помочь не сможем. Тут лучше всего обратиться к Будрису…

Заметив расстроенное лицо Вилкса, командир попытался утешить его.

– Не волнуйтесь раньше времени! Будрис вам несомненно и в этом поможет.

– А когда я смогу провести передачу?

– Сеанс, насколько я понимаю, нужно проводить по возможности подальше от лагеря. Не дай бог, если чекисты запеленгуют работу вашего передатчика. Ставить отряд под удар ради одной радиограммы смысла нет. Но я постараюсь ускорить это дело.

Он поднялся, показывая, что разговор окончен. Вилкс послушно встал.

В шалаше собрались все «братья» кроме дозорного, пост которого был выдвинут далеко в сторону. Остальные закончили обход участков и занимались своими делами. Кто чистил оружие, кто играл в шахматы, кто читал потрепанные книжки.

Лидумс приказал всем отложить занятия.

Он снова представил Вилкса и Эгле партизанам, коротко сказал, что они прибыли сюда из-за границы, что у них есть свои дела, в которые он предложил «братьям» не вмешиваться, и перешел к рассказу о жизни и деятельности своей группы.

Шпионы слушали, едва ли не раскрыв рот. То, что рассказывал Лидумс, было не только историей отряда, но и историей всего движения «лесных братьев» в Латвии.

– Перед окончанием войны, – рассказывал Лидумс, – в Курляндии появилось много разрозненных групп, которые именовали себя «лесными братьями». Среди них были и случайные люди, и всевозможные перебежчики, и отставшие от отступавших немецких армий солдаты.

Попытки как-то объединить эти группы встречали среди многих «вожаков», «главарей», «руководителей» отчаянное сопротивление. Не было ни платформы, ни единой программы. Большая часть этих людей, встретившись с трудностями лесной жизни, в первые же месяцы по окончании войны не выдержала – люди вышли из лесов с повинной. Другие стали вести чисто бандитский образ жизни, занимаясь грабежами и убийствами.

Естественно, что против таких групп начали борьбу органы Советской власти. Мало того, вполне добропорядочные латыши, примыкавшие в то время по своему политическому мышлению к националистам, восстали против бессмысленных убийств и ограблений, так как тут стра-

дали уже и простые жители хуторов, и стали помогать чекистам. Это сотрудничество помогло чекистам довольно быстро избавиться от наиболее опасных групп.

Партизаны Лидумса слушали своего командира в суровом молчании. В этом молчании было и осуждение и словно бы боязнь такого же конца. Вилкс переглянулся с Эгле и понял: он думает о том же! Вот почему партизаны так сдержанны и осторожны!

Лидумс откашлялся, продолжал сухо, сдержанно:

– Мы обсудили в нашей группе положение дел и решили воздержаться от всякого «объединения». Два наших бункера, на которые мы опирались, были тщательно законспирированы. Но неподалеку от нас оказался еще один отряд, производивший самые настоящие бесчинства. После нескольких убийств, которые ничем не были оправданы, местное население обратилось за защитой к органам Советской власти. В результате, совершенно случайно, под удар оперативных групп ЧК попали и мы. Половина отряда была уничтожена. Остались только я, Юрка, Бородач и еще один человек…

Вилкс взглянул на Юрку и Бородача. Они сидели с безучастными лицами, как будто речь шла не о них. Выдержка и спокойствие, как уже заметил Вилкс, здесь были в большой чести.

– Вскоре мне удалось установить контакт с Будрисом. Вы, Вилкс, знаете этого человека, хотя, мне думается, вы должны навсегда забыть его приметы. Мы слишком высоко ценим его, чтобы простить кому бы то ни было пусть и случайное предательство. Никогда мы еще не имели такого легально проживающего помощника! Будрис приказал нам воздерживаться от бандитских налетов на население. Он считает, что наша главная задача – сохранение национально мыслящих людей. Мы согласились с мнением нашего руководителя и после этого переменили тактику борьбы. Насколько это было правильно, показывают наши сторонники. Сейчас мы имеем нескольких пособников, так мы называем тех, кто легализовался и может пользоваться свободой внутри страны, но духовно примыкает к нам. Они снабжают нас, помогают в меру своих возможностей информацией, питанием.

Он помолчал немного, спросил, что еще хотели бы знать новые члены группы, а затем перешел к характеристике членов отряда.

Костяк отряда составляли Лидумс, Юрка, Бородач и еще один, позже погибший человек. После разгрома отряда в 1947 году уцелели только эти четверо. В это время в отряд пришли Мазайс и Граф. Граф был знаком с Лидумсом раньше.

Родители Делиньша и Коха были пособниками Лидумса. Родителей Делиньша арестовали, и парнишка сбежал в лес. Кох перешел на нелегальное положение, боясь возможного ареста.

Пособники стали все чаще и чаще отказываться от связи с Лидумсом, положение в отряде стало тяжелым. От постоянного недоедания партизаны заметно ослабели, болели. Лидумс обратился за советом к Будрису, который после некоторого колебания разрешил провести крупную экспроприацию. В прошлом году отряд совершил ограбление кассира. Денег было взято много, но один из членов группы погиб.

Сейчас положение несколько улучшилось. Во-первых, прекратились поиски отряда; во-вторых, «братья» могут приобретать продукты питания через своих пособников, находящихся на легальном положении, на деньги, полученные при ограблении кассира; в-третьих, сейчас у отряда есть два запасных бункера в других районах Курляндии, в которых они в случае опасности всегда могут укрыться…

Затем Лидумс упомянул о вооружении. Вооружение – это видел и сам Вилкс – было сборное, различных марок и систем, оставшееся от немцев. Боеприпасы в значительной мере израсходованы, осталось по две-три обоймы. В случае встречи с «синими» длительного боя отряд не выдержит. Он, как командир, обязан предостеречь «гостей» и предупредить их о строжайшем соблюдении всех правил безопасности… Потом Лидумс произнес несколько заключительных слов, относившихся уже непосредственно к Вилксу и Эгле. Он сказал:

– По правилам подлинного гостеприимства мы не будем вмешиваться в ваши дела. Разве только в том случае, если они смогут навлечь опасность на всех нас. Но прошу не обижаться, если на некоторые ваши вопросы вы не получите ответа. А теперь каждый может заняться своим делом. Делиньш – на пост! Мазайс – подготовь дрова! Кох – на кухню!

И маленький, действительно похожий на мальчишку Делиньш бросился вон из бункера: Мазайс швырнул на нары затрепанную книжонку, которую все время держал на коленях, ожидая, когда можно будет дочитать увлекательную историю о сыщике и грабителе, и выскочил еще проворнее Делиньша; а толстый, круглый, как воздушный шар, Кох вдруг заулыбался, как будто дежурство по кухне было его любимым занятием! И Вилкс опять подивился человеку, который мог так распределить свою волю, что ее хватало на всех, и все считали ее своей собственной волей…

Но не все налаживалось так просто, как того хотелось бы…

«Братья» пока еще только приглядывались к своим «гостям». И «приглядывание» было, прямо скажем, строгое.

Вилкс видел, что пока только Мазайс, который сам доставил «гостей», относится к ним снисходительно, да Делиньш, во всем старавшийся подражать командиру, держится с тем же несколько небрежным радушием, какое отличает Лидумса. Улучив момент, Вилкс передал Эгле, чтобы тот был осторожнее, в споры не вступал, держался поближе к нему.

При Лидумсе никаких ссор быть не могло. Но у Лидумса было много дел, не мог он вечно охранять мир между хозяевами бункера и гостями. И всякий раз как Лидумс уходил на проверку постов, на разведку, Вилкс как будто съеживался, ощетинивался, каждую минуту ожидая, что вспыхнет какая-нибудь перепалка.

А началась эта «перепалка» совсем неожиданно.

Лидумс ушел с Бородачом проверять посты. Вернулся с дежурства Делиньш, лег на нары. Спустился, нарубив дров для кухни, Мазайс, еще с порога спросил:

– У кого есть кодеин, ребята? Совсем пропадаю от кашля! Дрова рубить еще можно, все равно треск стоит, а ночью на посту – ни-ни! Подумайте о себе, парни! Вам придется за меня стоять.

В голосе его была такая мольба, что парни невольно потянулись к своим рюкзакам. Кто предлагал соду, кто – кофеин, один отыскал даже пурген. Мазайс рассердился:

– У меня желудок железный, а слабительного тут сколько угодно! Выпей воды из болота или пожуй ольховую кору, вот и прослабит!

Он зашелся гулким кашлем. Толстый и всегда такой добродушный Кох тут сердито сказал:

– Тебя и на той стороне озера слышно!

– Молчи уж ты, «поварская шапочка», – пробурчал Мазайс, вытирая пот с лица. – И вы тоже хороши, братцы, – сердито обратился он к гостям, – ехали в лес, а даже аптечку не взяли!

– А они рассчитывали на готовенькое! – язвительно сказал Кох. – Тоже мне, искатели счастья! Сбежали за границу пропивать латышское золото, а когда послали отрабатывать пропитое, так сразу скисли! Ах, нелегальная жизнь трудна! Ах, чекисты ловят бедных подпольщиков! И сразу в кусты, к нам, к «лесным братьям!»

– Ну, это ты, Шумовка, напрасно говоришь! – примирительно сказал Мазайс. – Был я в этой Риге… Только о том и думал, как бы ноги унести…

– Ты-то унес! – насмешливо продолжал Кох. – А вот как чекисты подстерегут того вонючего Льва, что сбежал от наших дружков, да начнут искать этих его дружков по всем лесам Латвии, так и мы хлебнем горя…

– Какого еще Льва? – насторожился Мазайс.

– А они тебе не говорили? Один из них уже подался в Чека с повинной. Я сам слышал, как Будрис нашему командиру об этой козявке рассказывал. Они из-за этого и утекли из Риги.

А то продолжали бы сидеть по ресторациям, кушать орли да оливье. А этот их Лаува на деле оказался жирной трусливой свиньей…

Все смотрели на Вилкса враждебно, и он понял, – ссору надо гасить.

– Да, от нас один ушел! – Вилкс повысил голос. – Он решил легализоваться. Конечно, если бы мы знали, что он так поступит, – сами пристрелили бы его. Но он никого не выдал!

Настороженное молчание показывало, что следовало рассказывать до конца. И Вилкс принялся говорить о том, что старый Лаува всегда был трусоват, а тут встретил жену, жена потребовала его возвращения, он поддался…

Но Кох все не желал униматься. Теперь он обрушился на радиостанцию Вилкса.

– Не знаю, что скажет на допросе ваш дохлый Лев, но уж вашу радиостанцию «синие» засекут обязательно! – прокаркал он.

Эгле, помалкивавший во время этой перепалки, тут не выдержал, вступился:

– Не так-то просто запеленговать наш передатчик!

– А ты бы помолчал, карапузик, – перебил Кох. – Мы с твоим главным разговариваем. И вообще, кто знает, что вы за птицы? Сегодня здесь, а завтра там! Прихватят вас где-нибудь, вы тут же все и выложите! А может, и сами просто стукнете, где надо, что есть, мол, у озера Энгуре такой бункерок, где очень громко кашляет Мазайс, а один старый повар умеет предугадывать события…

– Ты с ума сошел! – закричал Эгле. Бедный парень чуть не плакал. Он вдруг вытащил из кармана расческу.

– А это вы видели? – с вызовом крикнул он Коху. – Смотрите, чем нас снаряжают! – Он легко разделил расческу на две части, и в руках у него оказалась гибкая тонкая пилка. Он лихо закончил: – С таким инструментом нам никакая тюрьма не страшна!

Он тыкал этой пилкой чуть не в лицо Коху, и тот невольно протянул руку, чтобы взять ее. А взяв, присвистнул, разглядывая тончайшую ножовку. Подошли и остальные партизаны, рассматривали, удивлялись. А Эгле совсем разошелся. Отвернул воротничок рубашки, показал плоскую вставку-ампулу.

Но на Коха не подействовала демонстрация шпионского «вооружения». Он пренебрежительно сунул пилку Эгле, похлопал по стволу автомата.

– Я предпочитаю сражаться, а не травиться, как крыса… Предложите ваше лекарство старине Мазайсу…

Мазайс выругался и сплюнул от отвращения.

Вилкс понял, что такие споры до добра не доведут. Надо как-то рассеять тяжелое недоразумение, это единственный путь к дружбе. Он вскочил на нары, закричал:

– Подождите, парни! Вы же ничего не знаете о том, как живут ваши соотечественники за границей! Позвольте мне сказать…

– Заткнись, крысомор! – заорал Кох.

– Мазайс, помоги же мне успокоить их! – взмолился Вилкс, обращаясь к человеку, который все-таки знал их больше. Ведь именно Мазайсу доверили их жизни, когда устраивали перевод в лес.

Мазайс хмуро одернул Коха:

– Погоди ты, кочерга, расстрелять их всегда успеешь, надо сначала выслушать. – Мазайс положил тяжелую руку на автомат Коха. Кох угрюмо усмехнулся:

– Ладно, проповедуй! Но помни, мы все хорошие христиане, однако врагов предпочитаем видеть покойниками! – и, кривляясь, затянул, как причетник в костеле: – Житие святого Вилкса слушайте! Амен!

– Амен! – подхватил кто-то из этих богохульников, ставших такими после многих лет своей дикой, почти звериной жизни.

Вилкс, терпеливо переждав это «пение», заговорил:

– Напрасно вы думаете, что мы там в золоте купались… Сначала тюремный режим лагерей для перемещенных, потом вербовка на работу, но куда? В Австралию, в Африку, где цивилизованный человек через полгода становится трупом, или на самые тяжелые работы в Европе… Вот ему, – он кивнул на Эгле, – еще повезло, он устроился шофером, а мне пришлось зарабатывать хлеб в шахтах. А там «за ударный труд» премий не дают, – он зябко повел плечами, – там для шахтеров дворцы не строят, квартир с ваннами, как в Эстонии на сланцевых рудниках, не предлагают…

– Э, да он за Советы! – издевательски, но и предостерегающе сказал Кох. – К чему ты приплел шахтерские квартиры? Почему об «ударниках» вспомнил?

Вилкс невольно вздрогнул. Он понял, почему вспомнил. Это шахтеры в Шотландии кричали им в лицо, что они фашисты! Это шахтеры в Шотландии не один раз устраивали побоища «перемещенным», считая их злейшими врагами русских, – а русских превозносили до небес. Это шахтеры в Шотландии и французы в Руре, и немцы в Дюссельдорфе, собираясь в своих кабачках, читали коммунистические газеты и показывали друг другу фотографии восстановленных и вновь построенных советских городов и шахтерских, заводских, фабричных поселков и рассуждали о том, когда же и у них настанет такое время, чтобы правительство подумало о рабочих? Вот где он нанюхался коммунистического духа, а совсем не здесь, в Риге, здесь он только злился, здесь он только ненавидел тех, кто перебрался из подвала в бывшую квартиру его отца в бельэтаже серого, с гранитным цоколем и мраморными кариатидами дома на улице Альберта.

Он с трудом подавил испуг, вдруг пробившийся в смятенной душе: как, он поддается пропаганде? – и заговорил быстро, сбивчиво, смутно:

– Что там говорить, мы только потом сообразили, что эти проклятые англичане нарочно выбивали из нас искры, чтобы мы поскорее пошли на приманку. А потом приехали офицеры, стали нас расспрашивать, пообещали жалованье, хорошее жилье, школьный режим, и мы, конечно, пошли. Но вы даже не знаете, парни, что такое эти англичане! Это же эгоисты! Они хотят снова прибрать всех и вся и опять чужими руками! Посудите сами, нас, латышей, перебрасывали сюда… немцы! Ни одного англичанина на борту того быстроходного катера, что перебрасывал нас, не было! И даже те ребята, что отправились в шведскую школу разведчиков, и те сначала были завербованы англичанами, чтобы работали на двух хозяев, а уж потом им разрешили ехать в Швецию… А вы думаете, в школе нас кормили бифштексами? Как бы не так! За все про все три фунта в неделю! А гоняли, как немецкие ефрейторы! Двенадцать часов в день занятия! Являться из отлучки не позже полуночи! А уж что-нибудь насчет девочек или выпить – того и гляди, выставят из школы с волчьим паспортом, куда пойдешь? Нет, братцы, не желал бы я вам такой жизни!

Он замолчал, – то ли выговорился, то ли дыхание перехватило, и как раз вовремя. По-видимому, его слова дошли до сердца. Все что-то погрустнели, присмирели, уже никто не глядел враждебно, а Эгле, кажется, совсем расстроился.

Но вот Кох откашлялся, сухо сказал:

– Парни вы как будто ничего, но со своей радиоаппаратурой в окрестностях лагеря лучше и не высовывайтесь.

Эгле опять заспорил:

– Мы в английской разведывательной школе специально выходили в эфир из района расположения радиопеленгационных установок, и ни разу наш передатчик не обнаруживали. Знаете, есть такая игра «Лиса и охотник»? «Лиса» – радист, дает сигналы, а «охотник» – радиопеленгатор, ищет «лису». Мы всегда выигрывали по очкам. Бывает, конечно, что кого-нибудь обнаружат, но процент такой низкий, что о нем и говорить нечего…

– Прекрати, Эгле! – досадливо сказал Вилкс. Он совсем не хотел, чтобы спор вспыхнул снова. – Пусть будет так, как решат наши друзья.

Тут Делиньш, медлительный, робкий, вмешался в спор:

– А вот когда мы учились в Рижском клубе радиолюбителей, так один из инструкторов говорил, что есть очень точные пеленгаторы. Что только благодаря пеленгаторам самолеты могут летать в плохую погоду и держать правильный курс.

– Ты учился в школе радиолюбителей? – Вилкс подсел к Делиньшу, за ним подвинулся и Эгле. – Чему вас там учили?

– Ну, чему, чему, – недовольно сказал Делиньш. – Чему учили, я, наверно, все забыл. Передатчика-то у меня нет, вот радиоприемник самодельный остался… – Он показал спрятанный под нарами приемник. Корпус был самодельный, но звук, когда Делиньш включил приемник, шел чистый, отлично модулированный. – Иногда послушаешь какого-нибудь любителя и рад бы с ним перемолвиться, а не на чем… – Он говорил нехотя, но видно было, что парень тоскует по любимому занятию.

– А на слух радиосигналы принимаешь?

– Я же говорю, иногда слушаю переговоры коротковолновиков.

– Двустороннюю связь изучал?

– Послушай, почему ты мне экзамен устраиваешь? Я ведь не на курсах радиолюбителей, а член отряда «лесных братьев»! И не вчера сюда пришел, а три года назад!

– В самом деле, что вы к мальчишке пристали? – разозлился Кох.

– Погоди, Кох, тут дело серьезное! Ведь если ваш Делиньш смыслит в радиоделе, а это уже видно, так из него можно подготовить хорошего помощника! У вас будет собственный радист с передатчиком, – мы же обратно наши сэты[7] не повезем, – и вы сможете переговариваться непосредственно с нашими хозяевами.

– Послушай, Кох, а ведь это и в самом деле занятно! Вот Лидумс удивится! – засмеялся Мазайс.

– Так он и позволит сбивать мальчишку с толку! – проворчал Кох, но на парнишку взглянул с уважением. – Подумать только, никогда мне и в голову не приходило, что такой сопляк разбирается в радиоделе! Но вы, братцы, подождите, это еще как командир посмотрит! Экзаменовать, если хотите, можете, вдруг он еще и вас забьет, но никаких разговоров о работе на передатчике, пока не разрешит командир!

Теперь, когда на Делиньша были обращены все взгляды, медлительный и довольно стеснительный парнишка и сам загорелся желанием показать, что уже давно прошел обряд конфирмации и может считаться взрослым. Особенно он разошелся, когда Вилкс развернул свою радиостанцию.

Делиньш и Вилкс сидели на нарах и перестукивались между собой, когда вернулся Лидумс. Все встали. Мазайс доложил, что в лагере все благополучно, потом, переходя на обычный тон, с усмешкой показал на Делиньша и Вилкса:

– А эти двое нашли общий язык – телеграфный. Болтают на азбуке Морзе, как два дятла…

– Что это еще за игра? – недовольно спросил Лидумс. – Я вас прошу, Вилкс, не втягивать парня в ваши дела. Достаточно с него и того, что он со школьной скамьи стал солдатом.

Но Вилкса уже заинтересовал смышленый паренек.

– Простите, командир, но это в ваших интересах! Скоро англичане пришлют сюда еще несколько сэтов, то есть радиостанций, – поправился он. – А чем плохо иметь своего радиста?

Лидумс внезапно замолчал. Вилкс подумал: «Подействовало!» И продолжал настаивать:

– Судя по всему, я в два месяца могу обучить Делиньша всему, что знаю сам. А если меня перебросят в другое место, он вполне заменит меня. Я дам ему рекомендацию, разведцентр запишет его почерк, и он может действовать самостоятельно.

---

[7] Сэт – радиопередатчик (англ.)

Лидумс подумал, нехотя сказал:

– Может быть, вы и правы. Да, кстати, место для работы на рации я выбрал. Надо подождать дня два-три, чтобы проверить через одного человека, нет ли поблизости «синих», и можно будет провести сеанс.

Этого Вилкс никак не ожидал. Да и остальные «братья», кажется, были удивлены не меньше, Делиньш умоляюще спросил:

– И мне можно пойти?

Лидумс махнул рукой:

– Ладно, пойдешь и ты. Вилкс, прошу приготовиться к сеансу со всей тщательностью. Мы будем охранять вас, но провести его надо как можно быстрее. Нам бы не хотелось терять эту базу после первой же вашей попытки связаться с хозяевами…

– Да, командир, мы будем осторожны…

2

Шестнадцатого мая легально проживающий пособник Лидумса через обусловленный тайник сообщил, что «синих» нигде в округе не встречал.

Для охраны были выделены Мазайс и Делиньш. Делиньш просто священнодействовал. Проверил не только свой автомат, но и автомат Мазайса, помог Вилксу подготовить передатчик и вызвался нести портфель.

Вел группу сам Лидумс.

Место для передачи было выбрано на склоне холма, неподалеку от озера Энгуре.

Вечер был теплый, тихий, и Вилкс, шагая след в след между Лидумсом и Делиньшем, думал о том, что такие вечера, в сущности, более подходят для пикников с девушками, чем для шпионских передач из лагеря «лесных братьев». Однако стоило взглянуть на мерно шагавшего впереди командира этих «братьев», оглянуться на несущего с гордостью передатчик Делиньша, прислушаться к осторожным шагам Мазайса, и это ощущение праздничности мгновенно пропадало.

Делиньш оказался неоценимым помощником. Он понимал все с полуслова. Помог развернуть рацию, залег рядом с автоматом в руках, и вид у него был такой решительный, что Вилкс понял – парень собирается в случае налета «синих» умереть, но защитить радиста.

На первые вызовы разведцентр не ответил. Вилкс уже начал отчаиваться, не случилось ли что-нибудь с передатчиком, когда на третьей попытке тонко и противно запищали сигналы морзянки.

Перейдя на передачу, он сообщил:

«16 мая. Находимся в лесу. Скоро получим новый адрес для посылки. Находимся здесь потому, что в Риге было бы опасно после ухода Лаувы и несчастья с курьером. Вилкс».

Этот недошедший курьер беспокоил Вилкса больше всего. Лондон сообщил еще в апреле, что шпионам отправлено подкрепление через Швецию. Тогда же Вилкс, не посоветовавшись с Приеде, дал для встречи пароль и адрес рижской квартиры, в которой он скрывался. Но курьер исчез, словно канул в воду.

Только в мае Вилкс признался Приеде в своей глупости. Теперь он и сам думал о том, что получится, если курьер схвачен при переходе? Неизвестно, морем ли он пробирался или по суше, через Норвегию? Во всяком случае, Приеде обеспокоился так, что Вилкс и не рад был своей «инициативе». Правда, из этого свинства в конце концов, как говорит пословица, получился добрый кусок ветчины! Приеде пришлось поторопиться с организацией встречи, и Будрис благословил переход в лес. Но теперь Вилкс понимал, на каком тонком волоске висели их судьбы после исчезновения курьера…

Ну, ладно, пусть побеспокоятся те, что в Лондоне! Он известил их – и все.

Получив подтверждение английского разведцентра о приеме телеграммы, Вилкс начал свертывать рацию. Делиньш напряженно следил за подходами к месту передачи. Лес был тих, спокоен. Черно-серый дрозд, словно передразнивая радиста, прокричал тонкое и такое же противное, как в радиопередаче: «Ти-ти-ти!» Синица, свесившись с березовой ветки, оглядывала неожиданных пришельцев черным, похожим на бусинку глазком.

Делиньш по сигналу Вилкса поднялся, стряхнул прошлогоднюю хвою с колен, послушно взял передатчик. Возвращались веселые.

У бункера Вилкс задержался, не вошел, ждал Лидумса. И сразу же возле него оказался Бородач. Так, будто бы из живейшего любопытства. Даже спросил, как прошла передача, а сам все поглядывал по сторонам, тоже ожидал Лидумса. И только когда командир показался на

тропе у бункера, ушел. Это звучало предупреждением: «Мы за вами присматриваем, чтобы вы чего-нибудь не натворили!»

Лидумс, вопреки ожиданиям Вилкса, с удовольствием выслушал отчет о том, что сеанс прошел удачно. Когда Вилкс попросил устроить второй сеанс, задумался, сказал:

– Попробуем!

Вызвал Мазайса из бункера, приказал:

– Попытайся подобрать километрах в двадцати от лагеря новое место для следующего сеанса радиосвязи.

Когда Мазайс ушел обратно в бункер, Лидумс осторожно сказал:

– Я прошу вас о нашем местопребывании, о количестве людей, о составе отряда без согласования со мной ничего англичанам не передавать. Вы и сами понимаете, что мы рискуем, взяв вас под свою опеку. И попросите ваших хозяев устраивать сеансы пореже.

Вилкс понимал, какого труда стоило группе уцелеть в годы жестокой борьбы «синих» против «лесных братьев», особенно сразу после войны. Ставить их под удар сейчас было бы преступлением. А кто знает, не найдется ли там, в Лондоне, охотник продать за хорошие деньги чужие жизни? Теперь-то Вилкс знал, как это делается! Он уже встречался со шведами, которые пытались откупить у англичан завербованные теми души, знал англичан, предлагавших райские условия тем, кто был куплен шведами, видел американцев, прибиравших к рукам агентуру всех своих союзников. И Вилкс горячо сказал:

– Командир, все, что я буду передавать на Запад, я буду согласовывать с вами!

Вокруг скапливался вечер. Он как бы вздымался от земли, клубясь неожиданными сумерками среди деревьев, тогда как вершины их были еще залиты солнцем. День кончался мирно, но не было мира в душе.

3

Новая встреча в эфире принесла одни неприятности. Англичане набросали полную шапку запросов и требований. Они хотели немедленно получить безопасные адреса для засылки людей; их интересовали радарные установки на побережье; они жаждали знать все о военных аэродромах в Латвии…

Вилкс и Делиньш сидели в опустевшем бункере и сверяли свои записи. Во время приема Делиньш, по просьбе Вилкса, тоже записывал группы цифр, передаваемые англичанами. И хотя он не знал или не понял разделительных знаков и записывал все цифры подряд, Вилксу удалось по этой неумелой записи исправить свои пропуски, – радист в Ганновере, видно, не очень представлял, в какой обстановке работает Вилкс, и шпарил свою радиограмму с такой скоростью, будто передавал ее на самозаписывающий аппарат. Еще хорошо, что Вилкс догадался подключить к записи своего нового ученика…

Вилкс то и дело прерывал работу и начинал ругаться. Делиньш, по-мальчишески оттопырив губу, только посвистывал при самых замысловатых оборотах. Наконец не выдержал, спросил:

– Что с тобой, Вилкс?

– Эти болваны, видно, считают, что у нас тут свои автомобили, самолеты, бюро по найму осведомителей и очередь желающих стать шпионами – за воротами! – Вилкс потряс расшифрованными отрывками. – Ведь если попытаться ответить на все эти вопросы, так мне надо всю жизнь ходить, как страннику, с места на место. А тут, говорят, странников не любят…

– Да, за сбор секретных сведений можно быстро попасть в тюрьму! – серьезно ответил Делиньш.

– Бр-р-р! Там пахнет карболкой! До сих пор не могу забыть запах лагеря для перемещенных…

– А что же ты все-таки ответишь? Какую разведывательную информацию можно собрать в лесу?

Вилкс посмотрел на недоуменное лицо молодого помощника, засмеялся.

– Кое-что мы все-таки можем сделать, Делиньш! – утешил он ученика. – Будрис привез кое-какую информацию по Риге. Приеде тоже прислал небольшое письмецо. Но, видно, придется обратиться за помощью и к фантазии. Придется почаще слушать рижские передачи, попросить Будриса достать для меня побольше газет, особенно районных… – он задумался, уставившись глазами в стенку, словно уже сочинял эту требуемую англичанами информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.